



У И Л Ь Я М Д Э В И С

ОДИН ДЕНЬ

В ДРЕВНЕМ

РИМЕ



исторические картины жизни имперской столицы
в античные времена



Уильям Стирнс Дэвис

**Один день в Древнем Риме.
Исторические картины
жизни имперской столицы
в античные времена**

«Центрполиграф»

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Дэвис У.

Один день в Древнем Риме. Исторические картины жизни
имперской столицы в античные времена / У. Дэвис —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5493-4

Уильям Стернс Дэвис, американский просветитель, историк, профессор Университета Миннесоты, посвятил свою книгу Древнему Риму в ту пору, когда этот великий город достиг вершины своего могущества. Опираясь на сведения, почерпнутые у Горация, Сенеки, Петрония, Ювенала, Марциала, Плиния Младшего и других авторов, Дэвис рассматривает все стороны жизни Древнего Рима и его обитателей, будь то рабы, плебеи, воины или аристократы. Живо и ярко он описывает нравы, традиции и обычаи римлян, давая представление о том, как проходил их жизненный путь от рождения до смерти. Архитектура, строительство, способы ведения хозяйства, институт брака, культура, религия, система образования, медицина, военное дело, развлечения – ничто в имперской столице не ускользнуло от пристального внимания замечательного историка. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-9524-5493-4

© Дэвис У.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Глава II	15
Глава III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35



Уильям Дэвис
Один день в Древнем Риме.
Исторические картины жизни
имперской столицы в античные времена

WILLIAM S. DAVIS
A DAY IN OLD ROME
a picture of roman life

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Предисловие

В настоящей книге сделана попытка описать то, чему мог бы стать свидетелем интеллигентный человек в Древнем Риме, если бы он был перенесен неким волшебником во II век от Рождества Христова и прогулялся бы по столице Римской империи в сопровождении знающего проводника. Редкие и нехарактерные события, встретившиеся ему в ходе такой прогулки, автором опущены, как и порой долгие разъяснения *возможных* реалий, если только они не являлись признанными фактами; однако, как мы надеемся, эти эпизоды столь незначительны, что не приведут читателя к сколько-нибудь существенным заблуждениям.

Год 134 от Рождества Христова был выбран в качестве момента такого гипотетического визита не вследствие какой-либо ценной особенности этого периода, но потому, что Рим представлял собой совершенный в архитектурном отношении город, империя же, как казалось, находилась на вершине своего могущества, былые обычаи и традиции времен Республики еще окончательно не позабылись, а зловещие признаки грядущего упадка империи казались едва различимы на фоне всего происходившего. Тогда в столице отсутствовал император Адриан, и автор использовал этот факт намеренно: чтобы привлечь внимание читателя к жизни и свершениям собственно великого города и громадных масс обитавших в нем рабов, плебеев и аристократов, а не к великолепному деспоту и его двору – они и так слишком часто оказывались в центре внимания изучающих римское прошлое.

В порядке признания ценности всех современных книг, сведения из которых в значительных объемах черпал автор, здесь будет приведен список важнейших справочников и обзоров, касающихся римской жизни и римских древностей. Следует заметить, однако, что подобные вторичные источники использовались только в тех случаях, когда они подтверждали достаточно исчерпывающие сведения, полученные в результате изучения латинских авторов – Горация, Сенеки, Петрония, Ювенала, Марциала и, наконец, далеко не в последнюю очередь Плиния Младшего. Предлагаемая читателю книга неизбежно напоминает его справочник «День в Древних Афинах», который отличался уникальным методом изложения материала. Но жизнь в эпоху Римской империи была гораздо сложнее, чем в период афинской демократии, в итоге настоящая работа по объему представленной в ней информации значительно превзошла упомянутый справочник. «День», посвященный Древнему Риму, оказался поэтому более длинным.

Я глубоко признателен моему коллеге и другу доктору Рихарду Крэму, профессору кафедры латинского языка Миннесотского университета, за тщательное прочтение рукописи этой книги и сделанные им многочисленные ценные замечания; а также моей жене, которая с присущими ей готовностью к помощи и неустанностью тщательно проверила каждый представленный в книге факт.

Иллюстрации – надеюсь, они повысят интерес к теме книги – были получены из множества различных источников.

Глава I

Общий обзор города

Процветание Рима в период правления Адриана (117–138). В 134 г. император Адриан снова вернулся в Рим после трех долгих инспекционных поездок по своим необозримым владениям. Еще никогда Римская империя не казалась столь процветающей. Ни одна сколько-нибудь серьезная война не маячила на ее политическом горизонте. Парфянский царь и вожди германских племен были только рады держаться за пределами Евфрата или Рейна и Дуная, озираясь на дисциплинирующую мощь стоявших на этих рубежах легионов.

В провинциях в основном царили преданность империи и удовлетворенность существующим положением, за исключением разве что несчастной Иудеи, где римские генералы подавляли последние тлеющие углы отчаянного восстания под предводительством тех иудеев, которым было позволено оставаться жить в Палестине после взятия императором Титом¹ Иерусалима (70 г.). Имперское правительство, созданное Августом и окрепшее в годы правления последующих императоров, достигло неоспоримых успехов, тогда как тиранические годы Нерона и Домициана остались достоянием кошмаров былого.

На всем обширном пространстве Римской империи, население и площадь которой были примерно сравнимы с современными Соединенными Штатами, царил благословенный *Pax Romana*². Разбойники не смели показываться на дорогах, а пираты – на морях. Повсеместно развивалась торговля, испытывая удивительно незначительное влияние таможенных барьеров и границ провинций. Одна и та же монета ходила на всем пространстве империи от порогов Нила до Каледонского вала³, выстроенного поперек Британии.

Центральное правительство являлось, в сущности, квинтэссенцией деспотизма, вводившегося с исключительной рассудочностью, но оставлявшего множество форм свободы, особенно на местах, в делах муниципального управления, которое затрагивало оседло живших людей. Сам же император Адриан, часто проявлявший эксцентричность и даже жесткость, был все же правителем, на удивление склонным заботиться о процветании римских подданных. Во время своих постоянных разъездов он старался «изливать» благодеяния на поселения, которые он посещал. Это выглядело так, словно он, как и его великий предшественник Траян, хотел доказать, что монархия есть идеальное правление.

Растущая слава имперской столицы. Все это процветание неизбежно влияло на Вечный город. В самом буквальном смысле выражение «все дороги ведут в Рим» означало, что город являлся центром не только обширной сети государственных дорог и маршрутов торгового мореплавания, но и интеллектуального, художественно-артистического и морального влияния. Рим стал несравненным, наилучшим рынком для торговцев и представлял собой самую обширную аудиторию для философов и риторов, в нем жили самые богатые меценаты для

¹ Имеется в виду Тит Флавий Веспасиан (старший) (*лат.* Titus Flavius Vespasianus, 17 ноября 9 г. – 24 июня 79 г.), вошедший в историю под именем Веспасиан, – римский император с 20 декабря 69 г. (провозглашен войсками 1 июля) по 79 г., основатель династии Флавиев, один из наиболее деятельных и успешных принцев в римской истории I в. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иного.*)

² *Pax Romana* (Пакс Романа, *лат.* Римский мир) или Августов мир – длительный период мира и относительной стабильности в пределах Римской империи эпохи Принципата. В переводе с латыни термин означает «римский мир». Происхождение этого названия связано с тем, что жестко централизованная администрация и римское право «утихомирили» регионы, которые ранее переживали беспрестанные вооруженные конфликты (например, перманентные войны греческих полисов между собой).

³ Имеется в виду Антонинов вал (более северный и более поздний) либо Адрианов, оборонительное укрепление длиной 120 км, построенное римлянами при императоре Адриане в 122–126 гг. для предотвращения набегов пиктов и бригантов с севера и по которому в 208 г. император Север установил северную границу Римской империи.

скульпторов. По существу этот город превратился в средоточие всего хорошего и дурного в огромном и переполненном мире Средиземноморья.

Внешне столица находилась почти в зените своего архитектурного совершенства. Во времена Цицерона даже Александрия, Антиохия и несколько менее крупных городов не могли соперничать с Римом по красоте и элегантности его площадей, улиц и великолепию строений. Но с наступлением эпохи Империи начался нескончаемый процесс сноса, перестройки и расширения городской застройки. «Я принял Рим, построенный из кирпича; оставляю же его выстроенным в мраморе», – гордо произнес император Август незадолго до своей смерти (14 г.). Однако даже после него продолжался процесс пусть постепенной, но все же перестройки, и так дело шло до большого пожара при императоре Нероне в 64 г. Разрушения в результате пожара были ужасными, но это бедствие повлекло за собой по крайней мере перестройку почти половины города, как правило выполненную на более высоком художественном и эстетическом уровне. С тех пор каждый вступавший на престол император старался оставить после себя тот или иной значительный архитектурный мемориал. Веспасиан и Тит построили амфитеатр Флавиев (Колизей), Траян – величественный форум, а Адриан в это время завершал изумительный «храм Венеры и Ромула»⁴.

С этого периода в городе построили не так уж и много более примечательных сооружений, среди которых можно назвать термы Каракаллы и Диоклетиана и базилику Константина⁵ (в которой также заседал городской совет), но для практических целей императорский Рим уже был отстроен. В 134 г. архитектурно он представлял собой то же, что и в 410 г. (хотя и несколько поблекшее), когда предводитель готов Аларих подошел к городским воротам. Вряд ли можно найти более удачное время, чем 134 г., для посещения Вечного города, если мы хотим поговорить о добре и зле, силе и слабости того римского общества, которое уже не одну сотню лет восхищало людей. Давайте же представим себе, что теплым весенним утром мы выходим на прогулку по необъятной столице, жители которой, будь то бронзовокожие арабы или белокурые фризы, равно благоговейным шепотом повествуют нам о городе, очевидно предназначенном богами, чтобы быть центром и властителем всего покоренного мира.

Население и скученность жизни в Риме. Прежде чем войти в подобный город, имеет смысл задать себе вопрос: «А сколь огромен Рим во время нашего предполагаемого визита?» К сожалению, имперское правительство не оставило последующим эпохам никаких данных переписей населения, а оценки образованных людей значительно расходятся между собой. Основываясь на отдельных данных того периода о количестве римских граждан, получавших государственные пособия зерном, прибавив к ним известное число солдат городского гарнизона, оценочное значение большой колонии, живших в городе иностранцев и еще большее число рабов, можно сделать смелое предположение, что в Риме проживали более 2 млн человек. Более осторожные подсчеты определяют число его жителей в 800 тыс. человек. Обе эти оценки могут быть весьма недостоверными. Тем не менее есть основания предполагать, что во времена Юлия Цезаря в городе обитали около 1 млн человек, число которых, по всей вероятности, росло по мере расширения империи. Префекту города⁶ в эпоху Адриана, возможно, приходилось обеспечивать мир и проживание для 1,5 млн человек. Однако в более поздние времена население снова медленно уменьшалось по мере упадка имперской системы.

Но эти полтора миллиона производили впечатление значительно большего количества населения, чем такое же число людей в более поздних Нью-Йорке или Лондоне. Столица

⁴ Рома (др. – греч. Ῥώμη, лат. Roma) – богиня, олицетворение города Рима как повелителя Вселенной.

⁵ Базилика Максенция и Константина – самое большое здание, когда-либо построенное на Римском форуме; заложено в 308 г. императором Максенцием, а закончено его преемником – Константином в 312 г.

⁶ Префект города (лат. Praefectus urbi) – римское должностное лицо, которое назначалось для управления Римом (позже и Константинополем) в отсутствие консулов или, позднее, императора. Должность возникла в царский период, существовала во времена Республики и Империи.

империи занимала площадь, грубо говоря, около трех миль в длину и примерно столько же в ширину, что несравнимо меньше площадей будущих американских городов. Как вполне можно понять, население Рима жило куда более скученно. Улицы столицы кишели пешеходами при почти полном отсутствии какого-либо колесного транспорта. В городе не было никакого скоростного транспорта, отсутствовало такси, не существовало ни телефонов, ни общедоступной почтовой службы.

Поэтому если бы вы имели даже весьма незначительное дело на другом конце города, то добирались бы туда пешком (или вас несли бы в паланкине) либо пользовались услугами посыльного – и все эти способы занимали довольно много времени. Как мы увидим, даже использование лошадей и телег по большей части запрещалось. Кроме того, мягкий климат и способ возведения жилых домов побуждали людей почти весь день проводить на улицах либо в общественных зданиях. Повсюду кипела жизнь. Человека ошеломляла непрестанная толкотня даже в удаленных от центра кварталах. Буквально все (в том числе и многие сугубо личные моменты, которые в другие времена происходили в полном уединении) делалось вполне открыто. Можно сказать, что только в Риме было проще чувствовать себя «затерянным в толпе», и ни в каком другом городе добро и зло, божественное и животное в человеке не представляло столь открыто и в столь резком контрасте.

Окрестности Рима. Столица империи расположена в тринадцати милях от ближайшего морского берега, но расстояние до моря, если следовать по выходящему «желтому» Тибру до Остии («Устье реки»), почти вдвое больше. Собственно город расположен недалеко от северной оконечности широкой равнины (позже Кампаний), которая простирается на юго-восток почти на 70 миль, редко превышая в ширину – от моря до Аппенинских гор – 25 миль. Если смотреть на восток с любого из холмов, на которых расположен Рим, то на всем горизонте будет видна непрерывная горная цепь, тянущаяся с севера на юг, расстояние до нее составляет примерно 10–20 миль. Особенно прекрасны горы, окутанные голубой дымкой или тающие в золотом сиянии итальянского неба. Если же обратить свой взгляд на север, то будет видна вершина воспетой многими поэтами горы Монте-Соракте⁷ (высотой 2420 футов), около юго-восточного подножия которой Тибр начинает свой извилистый бег к морю.

Проследив взглядом горную гряду, уходящую к югу, можно заметить цепь Сабинских гор с их острыми и величественными вершинами, за которыми видно место, где Тибр, окруженный обширными оливковыми рощами, замедляет свое течение. Еще далее к югу снова видны холмы. На их склонах покоится «прохладная Палестрина»⁸, а в четырех или пяти милях за ними возвышается благородный пик горы Альбин, отдельно стоящей вулканической скалы, отождествлявшейся с латинским Юпитером, у подножия которой располагалась легендарная Альба-Лонга⁹, город-предшественник Рима. Затем взору предстает только холмистая равнина, постепенно спускающаяся к морю.

Тибр и его долина. Рядом же с Римом, разумеется, располагается сама Кампания, целый ряд невысоких пологих холмов, усыпанных в ту эпоху великолепными пригородными виллами и покрытых процветающими сельскохозяйственными фермами, порой группирующимися вокруг богатых небольших поселений¹⁰. Река Тибр протекала по западной окраине

⁷ Античное название *Mount Soracte*, современное Монте-Соратте.

⁸ Античная Пренестре, во времена расцвета Римской империи была известным местом отдыха богатых римлян и в этом качестве упомянута Горацием.

⁹ Альба-Лонга (*лат.* Alba Longa) – древний латинский город в Лацио к юго-востоку от Рима. По преданию, Альба-Лонга основана около 1152 г. до н. э., через 30 лет после Лавиниума, Асканием, сыном Энея, принявшим позднее имя Юл и ставшим родоначальником рода Юлиев. Около начала I тыс. до н. э. являлась центром Латинского союза, в VII в. до н. э. (при царе Тулле Гостилии) была разрушена римлянами, жители ее переселены в Рим, но находившееся в Альба-Лонге святилище Юпитера Лациариса осталось священным центром союза. Альба-Лонга является легендарной родиной Ромула и Рема.

¹⁰ В настоящее время, разумеется, представляющие собой заброшенные пустоши, очень редко заселенные и являющиеся рассадником малярии. (*Примеч. авт.*)

Древнего Рима, пересекая город почти с севера на юг, на ее западном берегу располагались лишь незначительные поселения.

Если бы это был менее знаменитый город, то Тибр мог бы считаться совершенно обычной рекой. Его желтые мутные воды с такой силой стекали с Апеннинских гор, что делали почти совершенно невозможной навигацию выше того места, где в Тибр с востока впадает река Анио, примерно в трех милях выше Рима. Зерно и лес, однако, сплавляли по Тигру на баржах, но во время таяния снегов река разливалась до весьма опасных размеров, затопляя все находившиеся поблизости от города равнины, и порой, несмотря на целую систему валов, вызывала настоящие наводнения, разрушительные для больших городских кварталов, населенных беднотой. Императоры Август и Тиберий для того, чтобы держать неукротимую реку в ее берегах, создали постоянный «комитет Тибра», но все его усилия оказывались бесполезными.

Навигация по Тибру между Римом и Остией возможна большую часть года, но только для малых речных судов, хотя, как мы увидим, столицу вряд ли можно считать первоклассным морским портом. Тем не менее специально построенные речные суда довольно спокойно доставляли тяжелые грузы по воде из Остии – явное экономическое преимущество громадного города.

Вид Рима с Марсова поля. Прежде чем погрузиться в городскую жизнь, было бы неплохо сначала подняться к высоким зданиям, стоящим у самой западной границы Марсова поля (*Campus Martius*) рядом с большой излучиной Тибра, образовавшейся после строительства его дамб. Взору наблюдателя является то, что сначала представляется неопишуемой мешаниной громадных зданий, позолоченных крыш, величественных куполов, плотных фаланг мраморных колонн и широко простирающихся портиков, порой располагающихся или почти на уровне земли, или на вершинах холмов, или спускающихся по их склонам. Все это перемежается неисчислимым множеством красночерепичных крыш, принадлежащих, по всей видимости, куда более скромным частным строениям. Здесь и там, но чаще ближе к окраинам, протянулись широкие полосы зелени – общественные парки и частные сады.

Однако, если более внимательно присмотреться к представшей перед нами картине, поначалу казавшийся хаос начинает приобретать черты упорядоченности. Так, например, можно различить на вершине возвышающегося прямо перед нами небольшого и относительно крутого холма храмы довольно необычной архитектуры. Один из них Капитолий (*Capitol*) – официально главнейший храм Рима, посвященный *Jupiter Optimus Maximus* («Юпитеру Лучшему и Величайшему»). На некотором расстоянии от него, по другую сторону вершины, возвышается серый цилиндр громадных размеров. Это, конечно, амфитеатр Флавиев, гораздо более известный как Колизей, а в низине между ним и Капитолием, – увы, скрытый другими зданиями, – расположился *Старый форум* республики – самое известное место в Риме. К югу от Форума – и ни в коем случае не скрытый – вздымается другой холм, застроенный громадным комплексом зданий, который, даже с довольно дальнего расстояния, производит впечатление чрезвычайной пышности. Это Палатин (*Palatine*), в настоящее время резиденция цезаря и местопребывание правительства.

Сразу к югу и правее Палатина проходит длинная низина, на краю которой лучи солнца отражаются в мраморной кладке громадного здания. Это *Circus Maximus*, главный и самый большой ипподром города. Существуют такие сооружения или местности, которые сразу же бросаются в глаза. Если подойти ближе, то само по себе Марсово поле оказывается законченным лабиринтом крытых прогулочных галерей, общественных терм с куполообразными крышами, театров и цирков, среди которых сразу же выделяется примечательный *Pantheon* и другие знаменитые постройки – их подробное описание еще предстоит. За спиной нашего наблюдателя изгибается русло Тибра, над которым построено по меньшей мере восемь мостов; вдали же, за рекой, на фоне холмов Этрурии, виднеются многочисленные пригородные поселения и возвышенности, самая заметная из которых – *Mount Janiculum* – покрыта зеленеющими

садами. Однако наше внимание все же должно быть сосредоточено на самом Риме. Прежде чем мы узнаем все об окрестностях города, нам следует поближе познакомиться с его семью холмами.

Семь холмов Рима. Два самых известных из этих холмов (Капитолий и Палатин) уже были названы, но у них остались еще пять вполне достойных соперников. Весьма возможно, что в доисторические времена все эти «горы» возвышались подобно отдельным островам над предательскими болотами или даже над водами озера, соединявшегося с Тибром; но эти воды уже давным-давно стекли, а сегодня люди осушили эту местность дренажными канавами и каналами. Теперь же все эти холмы соединены между собой долинами, застроенными жилищами, хотя в любом случае самыми желанными считаются постройки на вершинах холмов, тогда как бедняки вынуждены тесниться в лачугах около водостоков. Каждый холм имеет свою историю: так, например, Авентин, как предполагается, не входил в черту города еще долгое время после его основания, оставаясь его укрепленным форпостом для защиты пастухов; но мы не можем задерживаться для пересказа древних легенд.

Семь холмов по мере расширения города превратились в восемь. Ни один из них не мог похвастаться особой высотой, но они разнообразили городской пейзаж, не давая большим массам глухих стен и построенным без всякой эстетики доходным домам, тянувшимся вдоль большинства улиц, делать их слишком уродливыми, а также обеспечивали доступ солнечного света и свежего воздуха к чрезвычайно перенаселенным городским кварталам.

Вот эти знакомые нам холмы:

1. Капитолий, *Capitoline*, высота около 150 футов над уровнем моря¹¹;
2. Палатин, *Palatine* (к юго-востоку от Капитолия) – около 166 футов;
3. Авентин, *Aventine* (к югу от Палатина) – около 146 футов;
4. Целий, *Caelian* (к востоку от Палатина) – около 158 футов;
5. Эсквилин, *Esquiline* (к северу от Целия) – около 204 футов;
6. Виминал, *Viminal* (к северу от Эсквилина) – около 160 футов;
7. Квиринал, *Quirinal* (к северо-востоку от Капитолия) – около 170 футов.

К этим холмам следует добавить еще один, находящийся в большом северном пригороде.

8. *Pincian*, «холм садов» (к северу от Квиринала) – около 204 футов.

Выше всех поднимается Яникул (*Janiculum*), расположенный за Тибром и вздымающийся на 297 футов, он господствует над всем городом и лежащей за ним Кампанией. Именно он в былые дни представлял собой отличное место для организации форта с его дозорными вышками и стоявшими на них часовыми, поскольку Рим опасался набега этрусков с севера, а его жители всегда были готовы оставить свои рабочие инструменты и схватиться за оружие в ту самую минуту, когда дозорные поднимали флаг над Яникулом, сигнализируя о приближении врагов.

Строительные материалы, использовавшиеся в Риме. Даже при беглом взгляде на город поражаешься разнообразию строительных материалов, а также объемам ручного труда, которые применялись при создании Рима. Как мудро заметил один автор, сколь удачным оказалось то, что в город нескончаемым потоком поставлялись строительный камень, древесина и т. п. для «непрерывного возведения новых зданий, что необходимо из-за сноса старых домов и после пожаров, а также постоянной торговли частными домами». Владельцы домов непрерывно сносили обветшавшие строения и возводили новые здания, неустанно спекулируя недвижимостью.

Разумеется, значительные общественные постройки возводились из чрезвычайно надежных материалов, способных противостоять бегу времени, но обширные кварталы неприятельных доходных домов зачастую напоминали своей непрочностью элегантную застройку

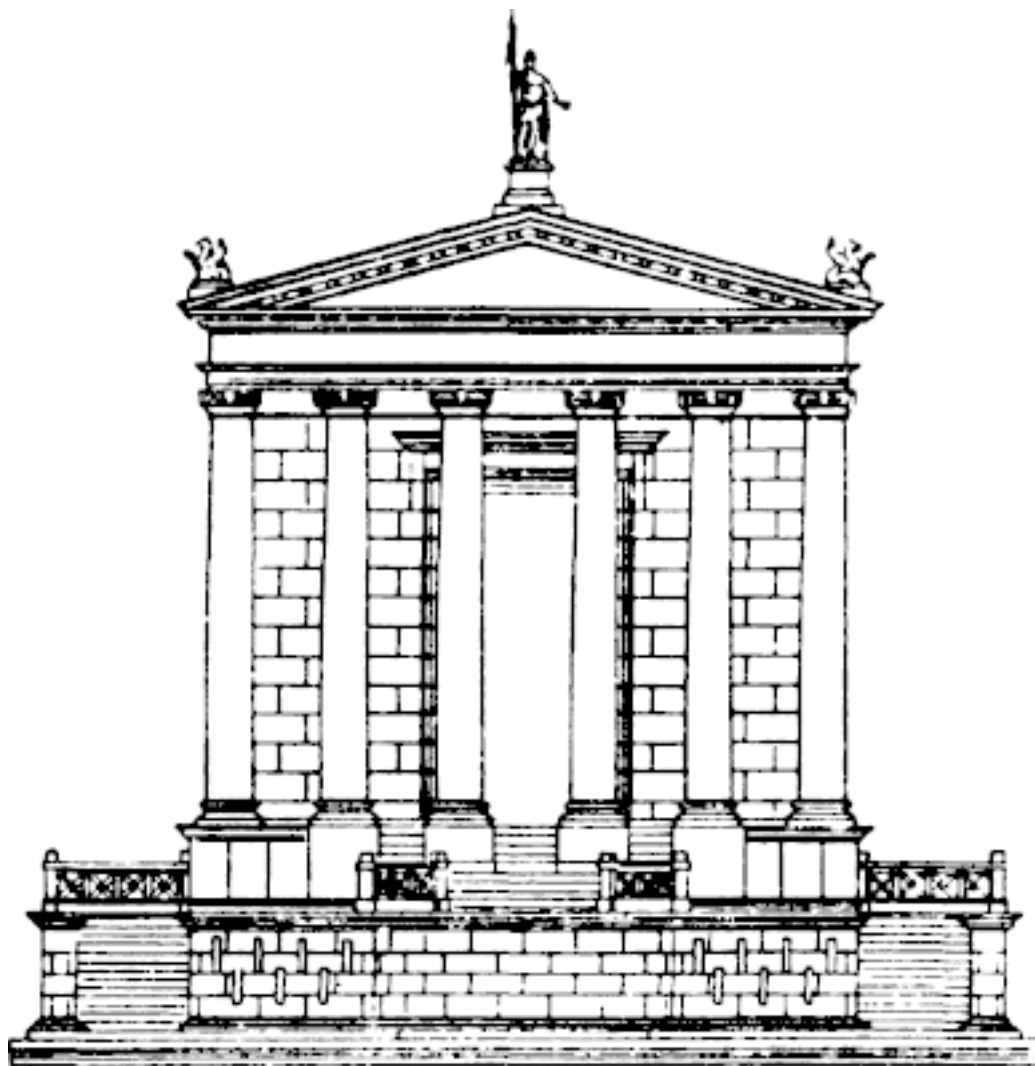
¹¹ Во времена Империи холмы были много выше. (Примеч. авт.)

пригородов американских городов совсем другой эпохи. Однако в Риме совершенно не было зданий, построенных из дерева; для сколько-нибудь значительных строений использовался самый великолепный строительный камень. Обычные дома возводились из туфа, довольно мягкого красного или черного камня, который для защиты от непогоды покрывался сверху штукатуркой, более престижные здания – из темно-коричневого пеперина, золотистого травертина, и, наконец, для самых значительных построек применялся белый и многоцветный мрамор. Торговля этим «блестящим камнем» стала одной из самых крупных составляющих коммерческой деятельности в городе.

Широкое применение бетона. Прогуливаясь по улицам Рима, можно прийти к выводу, что почти все престижные здания построены из обожженного кирпича. Однако на самом деле это совсем не так. Кирпич и плитка гораздо чаще применялись лишь для облицовки каркаса из бетона с целью скрыть обнаженность его грубой поверхности. Именно использование *бетона* позволило относительно просто создать столь громадный город, каким был Рим в древности. Если бетон и не изобрели римляне, они стали, по крайней мере, первым большим народом, весьма широко применявшим его. В окрестностях города можно обнаружить значительные запасы пуццолана, вулканического продукта, который прекрасно перерабатывался в превосходный цемент. Этот весьма практичный материал позволял создавать обширные своды, купола и другие архитектурные элементы. Многие роскошные храмы или дворцы гордо выставляют напоказ свои мраморные экстерьеры; на самом же деле это не более чем облицовка. Сорвите ее, и под ней окажется громадная масса бетона.

С этим материалом могла работать сравнительно небольшая команда строителей, и особенно ценно было то, что используя его при создании значительных построек, не требовалось привлекать для их создания столько рабочих, сколько требовалось при возведении великих монументов Древнего Египта. Бетон отличался значительной надежностью – почти ничто не могло разрушить его. Поэтому, как написал позднее Т. Мидлтон, именно бетону «больше, чем какому-либо иному строительному материалу, Рим обязан своим названием Вечный город».

Греческие архитектурные формы плюс арки и своды. Несомненно, что каждое здание, возведенное по берегам Тибра, напоминает нам о Древней Греции. Известно, что ее архитекторы выстроили много величественных общественных зданий, а скульпторы и художники высекали статуи и создавали картины, которыми восхищался весь римский мир. Ордера колонн повсюду в мире – дорические, ионические коринфские – родом из Афин. Правда, известно, что римляне отдавали предпочтение коринфским колоннам.



Типичный фронтон храма

Конечно, те, кто предпочитает чистые архитектурные типы Эллады, могут сказать, что римские архитектура и орнаментация слишком вычурны и экстравагантны: в них чересчур много завитков и напыщенных украшений, любая поверхность покрыта статуями или барельефами, что свидетельствует о плохом вкусе. Часто встречается слишком пестрая палитра из голубого, зеленого, белого и оранжевого мрамора. Поэтому основное впечатление от большинства римских зданий можно сформулировать так: *скорее величественны, чем прекрасны*. Это архитектура цивилизации, уже успевшей немного устать от своих деяний и потому пытавшейся поднять свой дух внешними эффектами.

Тем не менее ее заимствования из Древней Греции отнюдь не были рабским копированием: римляне, хотя и не являлись великими художниками, все же стали настоящими мастерами своего дела. Вполне возможно, они не изобретали *арку* и *свод*, но в любом случае сопрягали их с греческой системой колонн, что в результате дало великолепный эффект.

Технология возведения сводов позволила римлянам создавать мощные фундаменты громадных дворцов, а также величественные купола таких великолепных строений, как Пантеон. С помощью арок стало возможным удерживать ряды сидений для зрителей в амфитеатре Флавиев, вычурную компанию театров и цирков и, наконец, но далеко не в последнюю степень по значимости, длинный строй акведуков, поставлявших за многие мили массы воды, необходимые столь большому городу. Арки работали и ниже поверхности земли: созданная система представляла собой обширную сеть каналов и труб для сточных вод, которая не позволяла

городу превратиться в зловонную трясины. На форуме и над многими проспектами были, в свою очередь, возведены многочисленные *триумфальные арки*, увенчанные статуями героев или несущимися колесницами. Ничего подобного в Древней Греции не было.

Для представления же ситуации в целом теперь следует спуститься с нашего пункта обозрения и смело погрузиться в бушующие волны жизни громадного города. Однако умному человеку не следует прежде всего обзирать форум, Паладин или же другие «достопримечательности», которые официальные гиды всегда рады продемонстрировать заезжим посетителям. Куда больше смысла заключается в том, чтобы изучить типичные улицы сначала в бедных, а затем в более аристократических кварталах города, зайти в его дома и проникнуть в повседневную жизнь собранного здесь множества людей. После этого с куда большим пониманием можно будет воспринять знаменитое «сердце Рима».

Глава II

Улицы и уличная жизнь

Районы Рима: фешенебельные и плебейские кварталы. Великий Август разделил столицу на 14 *regions*, или административных районов города, а каждый из них – на 265 *vici*, или участков. Одни из этих районов значительно отличались от других. Никто из благопристойных граждан Рима, если только он не был вынужден крайней необходимостью или безденежьем, не стал бы жить в трущобных лачугах вокруг мостов и под склонами Яникула, где ютилась большая колония евреев и других восточных людей, пребывавших в крайней бедности. Если бы вы направились к югу от форума и Палатина, вы бы, скорее всего, углубились в занимавший большую площадь комплекс непривлекательных ремесленных кварталов и лачуг самих ремесленников, который вытянулся вдоль Тибра, хотя неподалеку от них – на Авентине – расположились улицы с весьма привлекательными домами зажиточных римлян.

В целом северная часть города считалась фешенебельным районом, хотя Субура, улица, проходившая в низине между Эсквилином и Виминалом, была печально знаменита тем, что там находились самые бедные и ужасные доходные дома во всем Риме. Жить на «чердаке Субуры» означало для римлян последнюю степень социальной деградации человека. Несколько выше этой непривлекательной улицы, ставшей притчей во языцех, на склонах Эсквилина располагались дворцы самых известных сенаторов. В свое время именно здесь жил сам Плиний Младший, в упомянутый нами период его дом принадлежал богатому экс-консулу. Фактически Рим напоминал многие другие города, но более поздних времен; здесь достаточно было сделать несколько шагов и перейти в другой квартал, чтобы подняться с самого дна до вершины социальной лестницы. Далее к северу, в районах парков и общественных садов, изысканные строения встречались куда чаще, но нельзя познать Рим, посещая только в высшей степени аристократические кварталы. Поэтому нет лучшего места для начала знакомства с жизнью города, чем поблизости от Эсквилина, скажем, там, где имеющая дурную славу Субура уходит к северо-востоку, вливаясь в несколько более изысканную «улицу патрициев» (*Vicus Patricius*).

Типичная короткая улочка, улица Меркурия. Мы намеренно выбрали место для наблюдения так, чтобы стоять лицом к югу, при этом за нашими спинами находится Виминал, а над холмами впереди нас высится часть больших куполов терм Траяна. Совсем недавно рассвело, стоит теплое весеннее утро, но весь Рим, как нам предстоит узнать, встает ни свет ни заря и, соответственно, вечером тоже рано отходит ко сну. Даже почтенные члены сената собираются на свои заседания с раннего утра. Какое же зрелище предстает перед нами?

Согласно всем более поздним оценкам, эта улица Меркурия (названная так по местному храму) была очень узкой, не более пятнадцати футов от стены дома до противоположной стены по другую ее сторону. Хотя к этому времени солнце поднялось уже довольно высоко над горизонтом, на улице еще царит полумрак, поскольку жилые дома и лавки, жмушиеся друг к другу по обеим сторонам улицы, достигают высоты по меньшей мере тридцати или сорока футов. Центральная часть улицы, если присмотреться, искусно и надежно вымощена тяжелыми плитами вулканической лавы, а поскольку она образует проезжую часть, то выметена достаточно чисто. Справа и слева от нее, трудно различимые в полутьме, вдоль домов тянутся дорожки, едва достигающие десяти футов в ширину, и эти боковые проходы куда более грязны. Улица, как и большинство других, относительно коротка. Вы доходите до крутого поворота или до спускающихся каменных ступеней, отшлифованных подошвами бесчисленных сандалий, и тут же оказываетесь в совершенно другом квартале города.

Вдоль проезжей части улицы тянутся узкие, выложенные из камня боковые проходы, но они несколько отличаются на участках перед каждым из домов, поскольку домовладельцы обязаны регулярно чинить их за свой счет. Рядом с этими «тротуарами» тянутся широкие колеи, проделанные в лавовом покрытии повозками, несмотря на ограничения (уже к этому времени введенные) для колесного транспорта. В Риме имелось мало улиц, достаточно широких, чтобы на них могли свободно развезти две повозки. Каждый возчик должен был внимательно смотреть вперед и зачастую останавливаться на углу, чтобы дать возможность проехать другим повозкам. Около «тротуаров» и в особенности на перекрестках уложены группы из четырех-пяти продолговатых камней, которые сейчас кажутся нам ненужными, однако в дождливый сезон, когда каждая улица в Древнем Риме превращалась в бурный поток, они становились спасением для пешеходов.

Фасады домов: жилища и лавки. Если теперь взглянуть вдоль улицы, то взор упрется в длинный ряд оштукатуренных стен – розовых, желтых или голубоватых, но преобладает, однако, неприятный коричневый. Нижние этажи этих строений, двери которых открываются прямо на улицу, представляют собой либо маленькие лавчонки (их владельцы открывают ставни и выставляют свои прилавки), либо сплошные стены с имеющимися кое-где дверными проемами, либо совсем небольшие оконца, более похожие на смотровые глазки – из-за боязни воров. Но второй и верхние этажи не столь массивны. В них много куда более просторных окон, порой даже с цветочными ящиками, в некоторых домах есть даже балконы, выступающие над улицей так далеко, что над спешащей по ней толпой жители противоположных домов могут пожимать друг другу руки.

Повсюду в изобилии имеются самые различные лавки. В больших торговых кварталах рядом с форумом, Тибром и Марсовым полем расположены роскошные торговые заведения, обслуживающие аристократию и богачей, но ни один квартал Рима не обходится без своих булочных, зеленных и винных лавок, а также дешевых харчевен. По сути, отсутствием средств быстрого внутригородского сообщения объяснялось существование множества мелких лавчонок, большинство из которых вели свои дела с минимальным размахом. Брошенный мельком взгляд открывает нам, что сплошь и рядом весь ассортимент предлагаемых товаров помещается на одном лотке, выставленном на улицу. Владелец такого заведения, как правило, жил в темной каморке на задах своей лавки или в столь же тесном помещении сразу над ней. «Он был рожден над лавкой», – говорят шутки о человеке, которого они считают совершенным ничтожеством.

Уличные алтари и фонтаны. Каким бы банальным и темным ни казалось существование на этой улице, здесь все же есть вполне отчетливые признаки как религиозной, так и артистической жизни. На глухой стене, рядом с бакалейной лавочкой, грубо нарисованы желтой краской две змеи – эмблемы *genii loci*, хранителя места. На противоположной стороне улицы, рядом с прилавком менялы, довольно искусно представлен Меркурий, бог выгоды. Если пройти по городу, изображения змей можно увидеть буквально повсюду, как и Юпитера, Минервы и Геркулеса.

На близлежащем перекрестке, однако, мы видим нечто куда более значительное. В стене здания вырублена ниша, имеющая вид алтаря. Сюда набожные соседи могут положить небольшие кусочки еды в качестве жертвоприношения «богам перекрестка улиц» (*Lares Compitales*).

Над алтарем рельефно вырезано изображение двух молодых божеств – мужского и женского. И хотя еще очень рано, к алтарю уже бредет старуха, чтобы оставить корку хлеба – для живущих недалеко отсюда сирых и убогих *Lares* всегда добрые и надежные друзья, о них не следует забывать.

Напротив алтаря группа смеющихся и весело щебечущих девушек собралась у журчащего фонтана. Римляне по праву гордились своей великолепной системой водоснабжения. Каждый сколько-нибудь значительный дом имел собственный водопровод (порой даже

несколько), обитатели же домов бедноты должны были пользоваться уличными фонтанами. Чистая, прозрачная вода в этом фонтане изливалась из металлической трубы в просторную каменную чашу. Эта труба была заключена в скульптурное изображение головы Медузы – искусно вырезанное, с мельчайшими деталями. В городе имелись тысячи подобных фонтанов. На следующем углу вода в фонтане изливалась из клюва орла, в других – изо рта тельца или головы Меркурия.

Излишек воды переливался из чаши фонтана и стекал в канавку, проделанную посередине улицы. Хотя это было несколько неудобно для пешеходов, но журчавшая в канавке вода уносила с собой большую часть мусора, небрежно выброшенного из лавок, а то и из окон верхних этажей. Частично благодаря этой искусной системе водоснабжения Рим был менее подвержен эпидемиям, которые являлись бичом других городов того времени¹².

Типичная уличная толпа. Так обстояло дело на улице Меркурия с неодушевленными предметами, но что представляли собой жившие на ней люди? Мудрый закон Юлия Цезаря запрещал обыденное использование колесного транспорта в городе с восхода солнца и до «десятого часа» (четырёх часов пополудни), что стало просто благодеянием для пешеходов – из-за узости даже самых фешенебельных улиц. Тем не менее повозки, которым было позволено въехать в город ночью для доставки тяжёлых строительных материалов для дома, возводимого для сенатора Руллиануса, пытаются теперь выбраться из города после разгрузки, как и телега, на которой затемно привезли муку для расположенной поблизости общественной пекарни. Порой можно встретить паланкин с девственной весталкой или одного из высших жрецов – он передвигается в колеснице, пользуясь предоставленной ему привилегией.

На улице тем временем бурлит повседневная жизнь, даже если не видно ни одной лошади. Сразу же бросаются в глаза десятки мужчин, которые, завернувшись в плотные тоги, яростно продираются сквозь толпу в самых разных направлениях. Сегодня мы бы подумали, что они опаздывают на поезд. Здесь же они являются «клиентами», которые обязаны с самого раннего утра посетить дом своего патрона, воздать ему почести и получить от него субсидию. Но в уличной толпе встречаются и самые разнообразные типы: множество мальчиков и девочек с неохотой плетутся в школы, самые бедные из них несут с собой вощёные пластины для письма; других, одетых побогаче, сопровождают степенные мужчины, *педагоги*, которые несут письменные принадлежности своих подопечных.

Снуют в этой толпе и молодые люди в скромных одеяниях, порой они бегут с головокружительной скоростью, расталкивая всех на своем пути; это рабы-посыльные знатных фамилий спешат выполнить поручения своих хозяев. Один из них, пробивая себе путь, оттолкнул локтем высокого и почтенного мужчину с поразительно длинной бородой, облаченного в длинную, но не безупречно чистую накидку, – греческого философа, держащего путь в некий особняк, где он будет, возможно, излагать теорию Эпикура перед каким-нибудь аристократом – любителем поговорить на отвлеченные темы. Сделав еще несколько шагов, мы видим белокурого германца в привычной ему, но диковинной здесь накидке из невыделанной шкуры волка; почти сразу же за ним идет рыжеволосый кельт в коротком клетчатом плее; в толпе сразу же можно распознать и горбоносого араба из далекой пустыни, завернувшегося в белоснежное одеяние; следом за ним спешит улыбающийся негр с кожей цвета эбенового дерева, в пышной ливрее красного цвета с позолотой – возможно, посыльный какой-нибудь знатной матроны.

Частое использование греческого языка в Древнем Риме. Можно не сомневаться, что основная масса этой уличной толпы – уроженцы Италии, с их пронизательными лицами, с оливкового цвета кожей, темными волосами, довольно невысоким ростом, изящные в движе-

¹² Необходимо раз и навсегда оговорить, что при описании уличной жизни римлян многие совершенно обычные для них вещи для наших современников были бы настолько отвратительны, что любые упоминания о них намеренно опущены. Античная жизнь включала в себя изрядное число социальных отбросов и грязных извращений. Нет необходимости уделять внимание подобным вещам, хотя не следует забывать и об их присутствии. (*Примеч. авт.*)

ниях и излишне много жестикулирующие. Но в их разговорной латыни сплошь и рядом слышится много странных и непривычных идиом, того *sermo plebis*¹³, к тому же перемешанного со словами из других языков который бы, наверное, заставил Цицерона перевернуться в своей могиле. Помимо этого, примерно один человек из каждых четырех, похоже, говорит на греческом языке – или изрядно исковерканном, или на чистом *аттическом* его диалекте. Если же мы посетим имение какого-нибудь вельможи, то услышим, что все его родные говорят на этом языке и, похоже, он им ближе латыни.

Все образованные римляне писали и говорили на греческом языке, в противоположность англичанам и американцам, которые и не подумают использовать в повседневности французский язык. Учебники, созданные на берегах Тибра, были написаны на несравненном языке Эллады, и только самые невежественные римляне не смогли бы понять обиходные фразы, сказанные по-гречески. Короче говоря, Древний Рим являлся двуязычным городом. Правивший в это время император Адриан оказался таким приверженцем языка и культуры Эллады, что недруги называли его «гречонком». Было похоже на то, что Афины и Коринф одержали победу над своими завоевателями.

Очарование и гнет улиц. По мере того как солнце поднимается над горизонтом, каждый клочок улицы все больше заполняется толпой, из кузницы начинает доноситься звонкий стук металла о металл, шум другого рода исходит из мастерской плотника. Если постараться различить все новые и новые звуки, исходящие с разных сторон, то со второго этажа до нас донесется голос, мощно декламирующий какой-то текст, – это начала свою деятельность школа риторики, и честолюбивый юноша громко обличает давно мертвого тирана Фалариса¹⁴. У стены своего дома, почти перегородив собою весь «тротуар», расположился неописуемого вида парикмахер, он сидит на стуле и обрабатывает свою покорную жертву большими клещающими ножницами. Рядом с ним примостился парнишка-поваренок, присматривающий за двумя жаровнями, на одной из которых кипит бобовая похлебка, а на другой истекают жиром маленькие колбаски. Вокруг них толпятся несколько человек, возможно, ремесленники или те, кому предстоит тяжелый рабочий день, они спешат насладиться обильным завтраком. Едва ли не касаясь едоков, протискивается крестьянин, погоняющий своего ослика, по бокам которого висят корзины, наполненные зеленью и овощами.

Шум на улице постоянно усиливается. Из соседнего переулочка доносятся крики. Аукционер пришел конфисковать мебель обанкротившегося торговца, и мольбы несчастного возносятся к небесам. Все владельцы лавчонок вразнобой, но во всю глотку расхваливают свои товары, когда мимо проходит потенциальный покупатель. Вдруг раздается металлический лязг и бряцание оружия; расталкивая толпу, маршем проходит десяток солдат по пять в ряд, маршируя, они высокомерно не глядят по сторонам, зная, что им уступят дорогу, рядом с ними вышагивает их *optio* (заместитель центуриона). Их начищенные латы, блестящие шлемы вкупе с красными килтами, спускающимися из-под кирас, ясно дают всем понять, что это идут *пре-торианцы*, гордые своей принадлежностью к гвардии императора. Позолоченные щиты преторианцев заброшены за спину; их лязг заставляет рабов поскорее расступиться перед солдатами, а нерасторопных граждан Рима они расталкивают перед собой тупыми концами копий под высокомерные кивки офицера с широким красным плюмажем на гребне шлема.

Редко когда они маршируют без того, чтобы темп их шагов не задавала какая-то варварская музыка. В ней можно различить звуки кастаньет, труб, барабанов и систров (знаменитых бронзовых трещоток), под нее солдаты поют нечто столь же немелодичное. Размахивая руками с зажатыми в них тупыми мечами или стуча ими о легкие щиты, мимо нас двигается группа жрецов и жриц Кибелы, странной азиатской богини. Женщина, смуглокожая сириянка, кру-

¹³ Простонародный говор (*лат.*).

¹⁴ Фаларис – тиран города Акрагаса (ныне Аргидженто) на о. Сицилия, правивший в 570–552 гг. до н. э.

тится в неистовом танце, ее волосы летят в воздухе вокруг головы, жрецы богини, надувая щеки, дуют в свои инструменты. Все они шествуют в свой храм, чтобы провести там день в оргиях в честь богини.

Процессии, сопровождающие важных аристократов. Внезапно на улице наступает краткая тишина. Молодые люди в ливреях идут, занимая всю ширину улицы, размахивая белыми жезлами и крича: «Дорогу, дорогу для его превосходительства!» По толпе пробегает шепот: «Это претор¹⁵ Фундинус!» Торговцы прекращают расхваливать свои товары. Все застывают на своих местах, а люди с головными уборами поспешно обнажают головы¹⁶, поскольку претор представляет «величие народа Рима». Вслед за его *viatores* (расчищающими дорогу) следует целая группа облаченных в тоги его клиентов, предшествующая самому магистрату. Сам же претор восседает в голубом, украшенном кисточками паланкине, который несут восемь высоких каппадокийцев одинакового роста, идущих в ногу. Непосредственно перед паланкином шествуют два надменных ликтора, почетная стража, неся на плечах *fasces* (фасции – пучки перевязанных шнуром или стянутых ремнем вязовых или березовых прутьев¹⁷). Рядом с паланкином держался холеный человек греческой внешности – доверенный вольноотпущенник, выполнявший конфиденциальные поручения магистрата. Сзади следовали еще клиенты и целая свита рабов. Фундинус иногда отвечал кивком на непрерывные приветствия из толпы. Он сидел, качаясь на подушках паланкина, боковые занавеси были слегка отдернуты, так чтобы все видели пурпурное шитье на его парадной тоге. В руках он держал наполовину развернутый свиток – лучшая возможность вроде бы невзначай продемонстрировать народу свою книжную ученость.

Шествующей процессии претора, однако, встретила другая – двигавшаяся ему навстречу. Сначала показалась большая свита красивых рабов, облаченных в коричневые одежды, причем каждый из них нес на плече ящичек или сверток; за ними следовала группа симпатичных рабынь-левантинок, одетых, правда, чересчур ярко. Вслед за ними коричневокожий мальчишка-слуга нес на руках прирученную обезьянку, за ним притворно улыбающаяся кельтская рабыня несла большую корзину, сквозь прутья которой можно было видеть небольшую и постоянно метавшуюся комнатную собачку. Следом шла прекрасная охрана из самых доверенных рабов и вольноотпущенников, некоторые из них несли музыкальные инструменты, а кое-кто небольшие шкатулки, по всей видимости, с драгоценностями. И наконец, в паланкине, который несли на плечах восемь рабов в легких красных ливреях, плыла сама знатная матрона – жена бывшего консула, мульти-миллионерка Фаустина.

Путешествующая знатная дама. «Ее великолепие» (*Clarissima*) тоже возлежала в паланкине на подушках, сохраняя на лице заученное выражение безразличия и скуки, позволяя всей улице любоваться шелковистым отливом ее вышитой накидки, драгоценным камнем в основании ее опала из страусовых перьев, золотой пылью, которой служанки время от времени осыпали длинную волну ее каштановых волос, крупными жемчугами – ими были унижены мочки ее ушей, шея и каждый палец. Женщина всего лишь совершала один из своих постоянных переездов от дворца на Виминале в одно из своих десяти пригородных имений. При этом она считала ниже своего достоинства путешествовать менее чем в сопровождении двух сотен рабов и вольноотпущенников. Вполне вероятно, что ее дед сам был вольноотпущенником; ну и что? – официальный статус сдается перед блеском золота.

¹⁵ Претор (*лат.* praetor, от praе-ire – идти впереди, предводительствовать) – государственная должность в Древнем Риме; в ходе исторического развития государства функции исполнявшего эту должность менялись.

¹⁶ Если на пути магистрата встречался верховой, последний также был обязан сойти с коня и стоять на земле во время прохода магистрата. (*Примеч. авт.*)

¹⁷ Если претор исполнял обязанности консула, то перед ним шли бы шесть ликторов, а не всего лишь два – когда он вершил правосудие в городе.

Ликторы Фундинуса сняли с плеч свои фасции; носильщики поспешно опустили паланкин на камни улицы. Когда обе процессии остановились, магистрат поспешил подойти к паланкину знатной матроны. Фаустина явно была в хорошем расположении духа. Она изящно погладила претора по щеке перьями своего веера. Магистрат вернулся к своему паланкину и возлег на его подушки с улыбкой на лице – возможно, он получил приглашение на одну из частных вечеринок в Тускулуме¹⁸, где должно было собраться изысканнейшее общество. Две процессии разошлись, так что носильщики едва не касались друг друга локтями, и улица снова обрела свой всегдашний плебейский вид.

Приветствия: традиционные поцелуи. Когда уличная толпа несколько редет и можно рассмотреть отдельные типы прохожих и их лица, становятся заметны некоторые вещи. Прежде всего это взаимные приветствия – по отношению к тем, кто имеет удовольствие передвигаться в паланкине. Ни один житель Рима в дорогих одеждах не может проделать скольконибудь длинный путь, чтобы с ним не здоровались. Похоже, здесь все друг друга знают. Считается вполне вежливым поприветствовать недостаточно близкого знакомого возгласом «*Ave!*» («Привет!») или «*Salve!*» («Надеюсь, ты здоров!»), а когда он ответит тем же, закончить, добавив «*Vale!*» («Удачи!»).

Но куда более серьезным приветствием являются непрерывные поцелуи. Вот степенный пожилой римлянин в тунике с узкой красной полосой (символ принадлежности к сословию всадников) шествует по улице, сопровождаемый двумя нарядно одетыми рабами-подростками. Неопишущего вида оборванец проталкивается сквозь толпу к нему, хватая за руку, а затем звучно чмокает его в щеку. Без сомнения, губы мошенника покрыты грязью, а изо рта разит чесноком; однако для почтенного всадника было бы в высшей степени невежливо отстраниться от поцелуя. И нет никакой возможности увернуться от подобных непрерывных атак, разве что только передвигаться в паланкине. Поэт Марциал тщетно жаловался в своих стихах на знакомых, которые непременно хотели приветствовать его таким образом в декабре, «когда у них под носом висит настоящая сосулька». Даже императору приходилось покоряться этому обычаю, хотя подобное происходило исключительно в кругу избранных лиц – «друзей цезаря».

Толпы лентяев и паразитов. После более пристального изучения уличной толпы становится ясным еще одно обстоятельство – существование огромного числа бездельников. Толпы людей слоняются по улице туда и сюда, причем им явно нечем заняться. Ремесленничество и мелочная торговля, как будет показано позднее, ни в коем случае не считаются занятиями, достойными благородного человека, так что большинство римлян в поношенных тогах, будучи занесенными в списки на государственное вспомоществование, выдаваемое зерном, предпочитают жить в безделье, оттачивая свое остроумие, пресмыкаясь перед великими и охотясь за приглашениями на обед к ним, но ни в коем случае не желая заниматься честным трудом.

Большинство этих бездельников, как это ни странно, рабы. Среди громадных *familia*¹⁹ знатных владельцев дворцов все обязанности распределены так, что обычный раб не занят работой большую часть дня. Поэтому он проводит свое свободное время, болтаясь по улицам города, играя по маленькой, пытаясь завести романы с такими же, как он, бесправными рабынями и выпрашивая подавание, чтобы побывать в цирке или посмотреть состязания в амфитеатре. Количество лентяев не поддается исчислению. Даже в этот ранний час от столов в винном погребке доносится стук бросаемых костей. Другая группа бездельников мечет кости прямо на

¹⁸ Тускул, или Тускулум (лат. *Tusculum*), – один из важнейших городов древнего Лация. Стоял в Альбанских горах, в кальдере потухшего вулкана, на высоте 670 м над уровнем моря, откуда открывался прекрасный вид на Рим, расположенный в 24 км к северо-западу. Соединенный с Римом дорогой *Via Latina*, Тускул, как и Тибури, при Поздней республике и в период принципата привлекал множество состоятельных римлян, которые строили здесь виллы. На одной из таких вилл Цицерон написал «Тускуланские беседы».

¹⁹ Дворня, челядь, рабы (лат.).

улице, под ногами пешеходов. Вообще-то римские законы запрещали азартные игры в общественных местах, но весьма занятые полицейские не успевали их контролировать. Рим, как весьма быстро понимал каждый сюда попавший, был в самой большой степени городом «паразитов». Завоевав значительную часть тогдашнего мира, он мог кормить орды двуногих, рабов и свободных, хотя те совсем ничего не делали для его процветания.

Игроки на улице, однако, сразу же прервали свое занятие, когда в винном погребе по соседству с ними возникла какая-то суматоха. Мальчишка-испанец попытался было стянуть кувшин вина – старого массенского, но емкость предусмотрительно прикрепили цепочкой к колонне. Когда он попытался порвать цепочку, хозяин заметил его; тут же раздался крик: «Держи вора!» Почти сразу же на месте происшествия возникли два широкоплечих человека, облаченные в кирасы и с небольшими стальными шлемами на голове. В руках они держали длинные шесты с острыми крючьями на концах, которые использовались при пожарах. Это были *vigils*²⁰ из состава городской стражи. Вора схватили и увели. При этом он всхлипывал и протестовал; ему предстояло ответить перед судом префекта города. Прежде чем игроки на улице смогли возобновить прерванное занятие, им пришлось встать и прижаться к стенам, чтобы дать проход погребальной процессии – флейтистам, профессиональным плакальщицам, завывавшим и заламывавшим руки в показательной скорби, отпущенным на волю рабам покойного – с традиционными головными уборками, символизирующими их освобождение, скорбными родственниками, шедшими за похоронными дрогами; все они направлялись к погребальному костру, сложенному за городскими стенами.

Общественные афиши и уведомления. Едва игральные кости все же покатались по «тротуару» улицы, рядом с глухой стеной возник подросток с сообразительным лицом и куском красного мела в руке. «Это же Целер, распространитель объявлений!» – зашептались вокруг. Тут же за его спиной собралась толпа зевак, которые, отталкивая друг друга, стали читать появляющиеся из-под его руки буквы, складывавшиеся в объявление о гладиаторских играх:

В АМФИТЕАТРЕ ТАУРУСА ИГРЫ ЭДИЛА БАЛЬБА

С 12 по 15 мая

ФРАКИЕЦ²¹ ПУГНАКС

из гладиаторской школы Нерона, уже три раза выходивший на арену,
встретится с

МУРМИЛЛОНОМ²² МУРАНОСОМ

из той же самой школы, столько же раз выходившим на арену.

ТЯЖЕЛОВОООРУЖЕННЫЙ ЦИГНУС

из школы Юлия Цезаря, сражавшийся на арене восемь раз, встретится с

ФРАКИЙЦЕМ АТТИКУСОМ

из той же школы, проводшим четырнадцать боев.

Над ареной будут навесы от солнца.

«*Euge! Euge!* Браво, Бальб!» – восклицали предвкушавшие удовольствие бездельники, возвращаясь к своей игре, а Целер, закончив здесь свою работу, поспешил повторить объявление на другой улице.

²⁰ Корпус вигилов ведал пожарной охраной Рима и отвечал за порядок в ночное время.

²¹ Фракиец – в данном случае имеется в виду не этническая принадлежность гладиатора, а его специализация на арене: фракийцы имели большой шлем, закрывавший всю голову, украшенный стилизованным грифоном на лбу или на передней части гребня (грифон был символом богини возмездия Немезиды), маленький круглый или приплюснутый щит (*parmula*) и две большие поножи. Их оружием был фракийский кривой меч (*sicca*, длиной около 34 см).

²² Мурмиллон носил шлем со стилизованной рыбой на гребне (от *lat. murmillos* – «морская рыба»), а также доспех для предплечья (манику), набедренную повязку и пояс, поножу на правой ноге, толстые обмотки, закрывавшие верх ступни, и очень короткие латы с выемкой для набивки наверху ступни.

Про игру в кости теперь можно было забыть. Но совсем не так обстояло дело с надписями на стенах, которые, как мы теперь знаем, покрывали почти каждый свободный участок штукатурки на стенах домов, выходивших на улицу. Некоторые из них представляют собой официальные уведомления об играх, о товарах, распродажах, сдаче в аренду жилья и т. п. Написаны они довольно искусно, хотя и с непонятными порой сокращениями, сделанными профессиональными писцами вроде Целера. Так, на одном из домов мы можем прочесть объявление, написанное большими красными буквами: *«Сдаются, с первого июля, лавки с жильем наверху в квартале Арриус Поллио, принадлежащие Нигидиусу Марию. Обращаться к его рабу Примусу»*. Другая надпись рекламирует *«термы Венеры, обустроенные для самых тонких знатников, лавки, комнаты над лавками и жилища на втором этаже в жилище, принадлежащем Юлии Феликс»*²³.

Настенные граффити. Гораздо интереснее тексты, нацарапанные обычными людьми: «Стены домов – это писчая бумага для бедных», как говорили позднее студенты в Риме. На штукатурке отражалась вся палитра чувств; порой эти надписи делали с большой заботой о форме и стиле, достойным инструментом, а иногда – просто ногтем пальца, углем или красным мелом. Подобных граффити было так много, особенно в местах, которые часто посещали римляне, что какой-то шутник прокомментировал это увлечение рифмованной надписью:

Мне интересно знать, о, стена,
Как твои камни могут вынести
Всю эту дурь, что на тебе
Начертана!

Все что угодно можно было прочесть даже на самом крохотном участке стены. Например, неуклюжие оскорбления, начертанные там, где обидчик сразу же мог их увидеть: «мерзкий негодяй», «наглый мошенник», «старый дурень», «надеюсь, ты скоро сдохнешь!», «чтоб тебя распяли!» – и это еще самые «нежные» пожелания. Но выражались и куда более дружественные чувства: «удачи тебе!», «здоровья тебе повсюду!», «счастливого Нового года и удач в нем!» и «чего бы я не сделал для *тебя*, любезный моему взору Люск» (часто к надписям добавлялось имя врага или друга).

Были здесь и любовные истории. Так, девушка пишет о том, что у нее на сердце: «Виргула – Терциусу: ты могущественное ничтожество», а деревенский простак шлет послание своей «личной» любовнице: «Смилуйся надо мной и позволь вернуться к тебе», молодая девушка едко дает кому-то отповедь: «Там, где властвует Венера, нет ничего правдивого», а веселый волокита заявляет: «Блондинка учила меня ненавидеть брюнеток, и я буду ненавидеть их, если смогу, – ведь любить их куда как проще!» Другой юноша страстно восклицает: «Моя дорогая Сава, пожалуйста, полюби меня!» И наконец, какой-то ревнивый поклонник разразился стихами:

И если кто-то будет пытаться
Оторвать от меня мою девушку,
То и в самых дальних горах
Негодяя сожжет моя любовь!

Но здесь нашлось место и для моралиста, которому более сподручно выражаться прозой. Кто-то глубокомысленно нацарапал: «Пустяковая болезнь, если не обращать на нее внимания, может развиваться в серьезный недуг». Кроме того, есть тут и загадки, и детские рисунки – това-

²³ Надписи на стенах, приведенные здесь и далее, найдены в основном при раскопках Помпей. (Примеч. авт.)

рищей по играм, друзей, неприятелей. Особенно много «шедевров» популярных гладиаторов – раскрашены красноватой охрой или углем, порой исполнены с изрядным сходством, но куда чаще в манере всех детей во все времена, когда несколькими прямыми линиями намечены лоб и нос, а две точки должны изображать глаза. Школьники же выцарапали на стене строки из поэм Вергилия и Овидия, которые, похоже, совсем недавно вбили в них розгами их наставники.

Единственное, чего мы не сможем здесь обнаружить, – это предвыборные призывы, которыми исписаны стены всех привилегированных провинциальных или свободных итальянских городов, призывающие нас проголосовать за того или другого *duumvir*, ибо «он хороший человек», или провозглашающие, что «гильдия всех валяльщиков шерсти не будет голосовать за... кандидата в эдилы». Рим, увы, уже утратил свою свободу; город находился под отеческим управлением самого императора вкупе с сенатом, народные же выборы отошли в прошлое.

Уличная темнота и ночные опасности. Обычно римляне предупреждали приезжих не пытаться слишком долго испытывать терпение владельцев смежных лавок и не задерживаться на улице. О том же красноречиво говорят надписи, найденные над входами в лавки: «Нечего зря глазеть!», «Иди себе домой!» и чуть дальше, на стене дома: «Эй, ты! Что ты шатаешься тут без дела?» Ближе к полудню толчея на улице уменьшается – почти все совершают первый сколько-нибудь плотный завтрак, а потом ложатся отдыхать. Почти все лавки закрываются. Спустя некоторое время на улице снова появляется толпа, поскольку всякий приличный римлянин в это время считает необходимым побывать в общественных банях.

К четырем часам дня, однако, в лавках заканчивается работа, и их хозяева закрывают солидные ставни, стихает шум в мастерских, и даже самые скромные жители города готовятся к главному событию римского дня – обеду, порой начинающемуся даже еще раньше. После захода солнца улицы пустеют – там, где совсем недавно кипела жизнь, теперь царит едва ли не кладбищенская тишина. Уличного освещения не существует. Люди стараются не выходить из дома, разве что в компании друзей или рабов, которые несут светильники или факелы. Нелишне в таком случае прихватить с собой и тяжелую дубинку; поскольку, несмотря на городскую стражу, на улицах все еще много воров, головорезов и даже отъявленных бандитов, так называемых кинжальщиков (*siccarii*), привыкших сразу же требовать у случайных прохожих «деньги или жизнь». Порой и плюющие на закон молодые люди из благородных семейств находят извращенное удовольствие (как Нерон со своими друзьями) в том, чтобы шататься по ночным улицам и избивать безобидных и плохо вооруженных бедняков.

Неудобства жизни в Риме. Жители Рима могут рассказать вам, что идущего по ночной улице путника вполне может огреть по голове случайная плитка, соскользящая с крыши дома, или, что не так опасно, но куда более неприятно, его могут окатить ведром помоев, беззаботно выплеснутых на улицу с верхних этажей. После захода солнца вам придется научиться спать под непрестанное громохание телег с древесиной, кирпичами, строительным камнем, цементом и всеми видами продовольствия, которые надо завезти в город для следующего торгового дня. Все это только часть тех нескончаемых неудобств жизни в Риме, наряду с кварталами убогих доходных домов, опасностью обрушения подобных зданий, неожиданными разливами Тибра, частыми пожарами, повсеместными толпами людей и мучительной невозможностью уединения.

Подобные сетования бесконечны. «Школьные наставники поутру; зернотерки ночью; а молотки медников и днем и ночью» – сколь часты и обычны такие стенания в поэмах Марциала или Ювенала. И они, подобно всем другим, поначалу боготворят тихую, простую жизнь в маленьких городках Италии – но все-таки остаются жить в Риме. Громадный город с его многолюдством, бесконечным разнообразием дурного и хорошего, необозримой палитрой человеческих интересов и человеческих же судеб удерживает их при себе, как завораживает и мно-

жество других смертных. Все они несчастливы, пока живут в Риме; но еще более несчастливы, когда не могут вернуться в него.

Таков всего лишь внешний вид типичной улочки на склонах Эсквилина. Теперь нам предстоит зайти в жилища римлян, сначала побывать в *insula*, большом доходном доме для людей небольшого достатка, а затем познакомиться с куда более элегантным *domus* – резиденцией магната.

Глава III

Каморки бедняков и хоромы знати

Большие *Insulae* (инсулы) – доходные дома. Возможно, люди последующих эпох полагали, что большинство римлян обитали в огромных мраморных дворцах, разгуливая по просторным залам среди высоких колонн и роскошных фонтанов. Увы, в отношении самой большой части жителей Рима дело обстояло с точностью до наоборот. Перепись населения сообщала, что «в городе имеется около 44 тыс. многоквартирных доходных домов (*insulae*) и всего лишь около 1750 отдельно стоящих «особняков» либо дворцов (*domus*)»²⁴. Эти цифры всего лишь указывают на то, что ошеломляюще большая часть «облаченных в тоги владык мира» (говоря словами Вергилия) обитала в многоквартирных домах.

Принимая во внимание чрезвычайную скученность населения города, нельзя прийти ни к какому другому выводу, поскольку Рим есть Рим. Было чрезвычайно выгодно заниматься строительством этих громадных нескладных «островов», больших многоквартирных доходных домов. Повсюду вокруг города можно было видеть бригады рабочих, замешивающих бетон, из которого по большей части и создавались строительные конструкции, или обтесывающих деревянные формы, где бетон застывал; были и бригады, сносившие здания и вывозившие из города обломки начинавших разрушаться инсул. Подобная деятельность требовала значительного вложения капитала. Почти каждый сенатор имел своего доверенного предпринимателя, который этим и занимался, получая доходы со строительного бизнеса, а понятие «риелтор» также было хорошо известно в римском обществе.

Совершенно справедливыми оказывались многочисленные сетования на то, что большинство инсул были построены наиболее дешевым способом и поэтому являлись крайне опасными для проживания, по крайней же мере темны, грязны и не имели никаких санитарных устройств. Само слово *insulae*²⁵ предполагало, что доходные дома должны были строить так, чтобы вокруг со всех сторон имелось свободное пространство. Древние законы двенадцати таблиц²⁶ (450 г. до н. э.) требовали отставлять *ambitus* – проход как минимум в два с половиной фута с каждой стороны такого дома, но это установление беспечно игнорировалось вплоть до тех пор, пока большой пожар при Нероне не заставил правительство решительно потребовать от строителей соблюдать разработанные им нормы. Но даже и после этого такие доходные дома зачастую имели вокруг себя со всех сторон ничтожные темные проулки, в которые порой даже не мог протиснуться общественный уборщик мусора.

Такое стремление использовать для застройки каждый клочок земли гармонично сочеталось с попытками возводить как можно более высокие здания. «Огромные размеры Рима, – писал Витрувий²⁷ около 1 г., – требуют устройства здесь громадного населения, но, поскольку площадь города недостаточна для размещения их на уровне земли, природа этого процесса требует от нас возносить их выше в воздух».

В Древнем Риме, разумеется, не было общественных лифтов; более того, бетон как материал не позволял возводить безопасные высокие здания без принятия особых мер предо-

²⁴ Эти данные относятся к IV в. н. э., но нет никаких оснований считать, что жилищные условия в Риме сколько-нибудь значительно изменились по сравнению с II в. (*Примеч. авт.*)

²⁵ В первоначальном значении «остров».

²⁶ Законы двенадцати таблиц (*лат. Leges duodecim tabularum*; 451–450 гг. до н. э.) – кодификация государственного закона от народа (*lex publica*) в Древнем Риме. Эти законы – плод специально созданной комиссии из 10 человек (децемвиры с консульской властью) представляли собой свод законов, регулирующих практически все отрасли права. Правовые нормы изложены подряд, без отраслевого деления; представляет собой первый писанный источник права Древнего Рима.

²⁷ Марк Витрувий Поллион (*лат. Marcus Vitruvius Pollio*; I в. до н. э.) – римский архитектор и механик, ученый-энциклопедист, автор «Десяти книг об архитектуре».

сторожности. Возводимые на узких улицах высокие здания перекрывали свободный доступ на улицы как света, так и воздуха. Тем не менее интересы владельцев недвижимости заставили последних возмутиться, когда Август ограничил высоту возводимых доходных домов 70 футами. Адриан принял еще более строгие меры, постановив, что, если владелец жилья позволит довести его до аварийного состояния, то он должен либо продать его, либо перестроить надлежащим образом. При всем этом многие инсулы представляли собой высоченные трущобы, готовые рухнуть при первом же наводнении или землетрясении.

Типичная инсула. На улице Меркурия, на которой мы только что побывали, расположена самая обычная инсула, построенная около 40 лет тому назад и поэтому преданно названная в честь правившей тогда династии – *Flavia Victoria*. Она принадлежит вдове богатого всадника Гая Мацера и эксплуатируется ее доверенным управляющим с глазами рыси, который стоит во главе всего ее имения. Несмотря на то что эта инсула считается более надежной по сравнению со своими соседками, ее обитатели жалуются, что верхние этажи построены в основном из дерева, что чревато опасностью пожара, а одна из внешних стен покрыта трещинами так обильно, что ее пришлось подпереть снаружи несколькими мощными деревянными брусьями.

Flavia Victoria чуть ниже установленной законом высоты – пятиэтажная. На улицу из нее открываются окна и двери лавчонок обычного типа, и имеются несколько отдельных входов, отделанных колоннами, которые ведут к нескольким более просторным комнатам второго этажа; однако большинство жителей, снимающих комнаты в этой инсуле, пользуются центральным входом, за которым присматривает портье.

Пройдя сквозь эту дверь, они оказываются в довольно большом внутреннем квадратном дворе, на который выходят почти все окна комнат верхних этажей. Во дворе даже есть фонтан, но мощение вокруг него довольно скользкое и грязное. Здесь постоянно вертится много полуголых малышей, затевающих шумные игры. Многие из окон (как и те, которые выходят на улицу) оснащены балконами, на которых в простых деревянных ящиках красуются цветы. Голубое итальянское небо и яркие солнечные лучи, падающие на вымощенный плитами двор, делают имевшуюся здесь грязь и выцветшую желтую штукатурку стен не очень надоедливыми. Даже многочисленные блохи воспринимаются менее трагично среди живописного окружения и в мягком средиземноморском климате.

Квартиры в инсуле. Со двора несколько лестниц, чаще всего темных и сырых, ведут в жилища верхних этажей. *Flavia Victoria* считается довольно большой инсулой, и, подобно европейским многоквартирным домам более поздних времен, собрала под своей кровлей представителей самых разнообразных социальных слоев. В более просторных апартаментах первого этажа помещения более комфортабельны, и в каждой отдельной квартире имеется целый ряд комнат – гостиная, столовая, кухня, спальни и проч., причем некоторые из них не слишком велики, но вполне достаточны для скромного хозяйства с десятком рабов. Стены там украшены яркими фресками, а полы покрыты искусной мозаикой. Подобные апартаменты высшего класса могли приносить их владельцу доход в 10 тыс. сестерциев (около 400 долларов), а довольно много наиболее роскошных комнат сдавались и за более высокую плату²⁸.

Размер арендной платы был тем ниже, чем выше располагалось само жилище. На втором этаже здания располагались довольно небольшие помещения; порой в квартире были только гостиная и несколько более тесных каморок. Соответственно по арендной плате жильцов различалось и их положение в обществе; так что между преуспевающим торговцем зерном с третьего этажа и работягой – мастером кирпичного завода, проживавшим на четвертом, где аренд-

²⁸ Стоимость аренды недвижимости в Риме для всех классов помещений была необоснованно высока, если сравнивать ее с относительной стоимостью других предметов первой необходимости; такая же ситуация складывалась и в более поздние времена – в Нью-Йорке, Париже и других крупных городах. (Примеч. авт.)

ная плата составляла только 2 тыс. сестерциев в год (80 долларов), не могло быть практически никаких социальных контактов.

Чердачные «апартаменты» и их бедные обитатели. Но и у этих двоих оказывалось нечто общее – презрение, с каким они относились к тем потрепанным жизнью созданиям, которые тяжело плелись к грязным, кишасим паразитами спальным отсекам на пятом или шестом этажах, находившихся под плитками крыши, немилосердно раскалявшимися солнцем. Если мы рискнем войти в каморку неудачника Кодруса, бедного банщика, то увидим «кровать, слишком маленькую даже для карлика Прокула, мраморную плиту, заменяющую стол, на которой стоят шесть маленьких чашек для еды и маленькая чаша для питья, статуэтка Хирона²⁹ (все, что осталось от фамильного наследства) и коробка со старыми книгами на греческом языке, изгрызанными неграмотными мышами»³⁰.

Тщетно Кодрус и его жена жаловались управляющему, что старая крыша может в любой момент рухнуть на них. Тот только смеялся да советовал им «спать спокойно», хотя крыша угрожала обрушиться каждую ночь. Существовала еще одна опасность – в комнатах нижнего соседа в любую минуту мог вспыхнуть пожар, и тогда, например, если бы они спали, то не смогли бы выбраться из дома.

Подобные бедные квартиранты никогда не задерживались надолго в одном и том же месте. В Риме – городе озлобленных искателей квартир – первое июля (календы месяца) стал днем регулярных переездов. Каждый квартироремонтник, который не мог или не хотел платить квартплату, должен был освободить снимаемую им каморку и искать еще более дешевую и убогую халупу. По улицам тогда тянулись бесконечные семейные процессии, тащившие свой бедный домашний скарб. Бессердечные сатирики издевались над их положением, повествуя, как глава такой семьи был вынужден съезжать с квартиры и тащиться по улицам, сопровождаемый «своей красноволосой женой, седой матерью и великаншей-сестрой». С собой они несли «кровать о трех ногах, стол о двух ногах, светильник, чашку из рога, ржавую жаровню, несколько треснувших тарелок, пару корчаг с затхлой соленой рыбой», а также пару корзин с сыром и луком и «сосуд с оливковым маслом, принадлежащий матери этого бедняка и используемый старой каргой для притираний».

Такие несчастные плебеи, разумеется, могли порой обмануть кое-кого из агентов домовладельцев в окраинных кварталах города и упросить сдать им какую-нибудь каморку на чердаке, внушив тому тщетную надежду, что они смогут все же заплатить квартплату. «Но на самом деле, – говорил управляющий, пожав плечами, – их место – под мостом Арицины, приюте нищих».

К сожалению, значительная часть жителей Рима оказывалась лишь немногим благополучнее членов описанной семьи. Бедность царил повсюду. Существовало множество зловонных инсул, в которых значительная часть жильцов не могла быть уверена в том, удастся ли им завтра пообедать. Тем не менее о них заботились; как мы увидим далее, правительство старалось принимать меры, чтобы в столице никто по-настоящему не голодал. Кроме того, там находилось столько бесплатных цирков и арен для гладиаторских боев, что человек вполне мог отвлечься от своих забот; имелась великолепная система водоснабжения, а жаркое итальянское солнце позволяло не тратиться на обогрев жилищ. Бедность в Риме поэтому не была связана с тем острым страданием, которое испытывали люди, жившие на севере.

²⁹ Хирон – кентавр, сын Кроноса и океаниды Филиры, втайне от Реи сочетавшихся в браке. Хирон родился полуконом-получеловеком, так как Кронос, застигнутый Реей, принял вид коня. Хирон, в отличие от других кентавров, выделяется мудростью, благожелательностью и является воспитателем героев (Тесея, Ясона, Диоскуров); как лекарь обучал врачеванию Асклепия.

³⁰ Известное описание подобного места сделано Ювеналом. (Примеч. авт.)

Тем не менее даже самый удачливый обитатель инсулы, возможно, мечтал о том, когда исполнится его самое заветное желание: «*Когда же я смогу выбраться из этой *senacula* (квартира) и перебраться жить в *domus*?*»³¹

Сенаторский «особняк» *domus* (домус). Публий Юний Кальв, сенатор из старинного рода, жил в особняке, надменно возвышавшемся неподалеку от вершины Эсквилина. Дом находился в самом начале улицы Меркурия и нависал над черепичной крышей скромной инсулы *Flavia Victoria*.

Хотя Кальв и относился к высшему слою древнейшей аристократии, но не отличался особым богатством. Он не обладал, подобно некоторым из своих друзей, несколькими городскими домами, владельцы которых часто переезжали из одного в другой в зависимости от сезона и своего настроения. У него были только четыре сельские виллы, одна из которых располагалась далеко на севере у итальянских озер, другая – среди холмов Этрурии³², третья – совсем недалеко от Рима, четвертая же – на восхитительном побережье Неаполитанского залива. Его городское жилище, далеко не такое роскошное, как домусы многих сенаторов, а то и всадников (второе после сенаторов аристократическое сословие), даже не могло сравниться по величии со многими особняками богатых выскочек-вольноотпущенных. Тем не менее этот изысканный дом, которым владели многие поколения семейства Кальвов, был переполнен семейным достоянием. Кальв, в отличие от многих своих коллег-аристократов, был счастливо женат и наслаждался семейной идиллией вместе с двумя сыновьями-подростками и дочерью. Для них совершенно достаточной считалась *familia*, состоящая всего только из 150 рабов, хотя благородная Грация, супруга сенатора, и жаловалась своему мужу, что такое число неприлично мало.

Фамилия Кальв в самом деле была весьма древним родом в Риме, который постепенно превращался в город выскочек. Предки Публия много столетий жили на Эсквилине, и их домус много раз перестраивался. В эпоху Пунических войн³³ он, вероятно, состоял только из одного центрального атрия с отверстием в сводчатом потолке, дававшим доступ свету и выход дыму очага, и нескольких темных комнат, радиально расходящихся от большой гостиной. Этот зал справедливо называли «черным местом» (*ater*) – от сажи, которая образовывалась от горевшего посередине очага, – она оседала и постепенно затвердевала на стропилах. Стены его были сложены из камня, пол был выложен каменной плиткой, а то и просто представлял собой утоптанную землю, а крыша была крыта соломой или тростником. Такой дом мог вместить достаточно много детей и относительно немного слуг сенатора, который способствовал унижению Карфагена.

План большой резиденции. Нынешний дом сенатора весьма отличается от того прежнего домуса – это становится ясно сразу, как только мы минуем высокие ионические колонны, которыми украшен вход в него. Тем не менее план бывшего жилища не совсем исчез в этом широко раскинувшемся поместье. Римский дом всегда остается (как и греческий) по своей сути типично южным жилищем, построенным вокруг двора, откуда он и получает освещение, поэтому здесь и не придают особого значения выходящим на улицу окнам. Зато теперь старая гостиная расширилась до размеров внушительного залитого светом зала, в который солнечные лучи проникают не через дымовой волок, но сквозь обширное отверстие в сводчатом потолке.

³¹ В маленьких провинциальных городках вроде Помпей тех людей, которые могли себе позволить жить в отдельных особняках, было значительно больше, чем в Риме. В действительности отдельное жилье считалось здесь в порядке вещей. Особняки в Помпеях были обычно двухэтажными, но гораздо меньшими по площади. В самом же Риме недвижимость стоила гораздо дороже, так что обладать особняком могли позволить себе только самые состоятельные римляне. (Примеч. авт.)

³² Этрурия (лат. Etruria, Netruria) – северо-западная область древней Италии, граничившая на севере с Лигурией, Галлией и землей венетов, на востоке – с Умбрией по реке Тибр, на юго-западе – с Лациумом; западную границу ее составляло названное по имени жителей страны – тирренов – Тирренское, или Тусское, море.

³³ Пунические войны – войны между Римом и Карфагеном (264–146 гг. до н. э.). Получили свое название из-за латинского имени финикийцев-карфагенян – пунийцев (пунов) (лат. poeni или puniōit).

Комнаты, расходящиеся от зала, увеличились в числе и стали значительно больше в размерах. Затем через серию переходов мы попадаем во второй подобный зал, но еще больше и прекраснее, к которому примыкает также целый ряд соединяющихся с ним помещений.

В таком доме главные апартаменты находятся на первом этаже, на втором – помещения, где размещаются работающие в доме рабы, позади жилища имеется сад. Каждый до-мус строили по индивидуальному плану его владельца, но в соответствии с общей схемой – с двумя главными залами (так же, как для каждого особняка последующих цивилизаций будут необходимы главный зал и парадная столовая).

Эксперты по недвижимости оценивали особняк Кальва примерно в 3,5 млн сестерциев (скажем, 140 тыс. долларов)³⁴; однако в городе имелось немало домов более богатых сенаторов, стоивших раза в четыре дороже. Эти здания выходили фасадами на улицы, где по понятным причинам не было лавок, а все соседи либо принадлежали к сословию всадников, либо являлись очень богатыми вольноотпущенниками. Городские дома не тянулись в высоту, подобно инсулам, большинство из них имели всего два этажа: на первом вместо окон были проемы, похожие на смотровые глазки, прорезанные в мощной оштукатуренной стене; на втором куда большие окна защищали мощные решетки. Необходимость такого обустройства частично можно понять из предостережения, висевшего при входе:

«РАБАМ НЕТ ВХОДА В ДОМ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ХОЗЯИНА,
НАКАЗАНИЕ – 100 УДАРОВ».

Вход в резиденцию сенатора. Парадный вход в особняк, безусловно, впечатляет. Колонны по обе стороны от входа сделаны из серебристого мрамора. Пройдя между ними, попадаешь в вестибюль, значительных размеров предварительное помещение, отделанное по стенам изысканными пилястрами. Сейчас в нем толпятся *клиенты* сенатора. Затем посетитель приближается к дверям в *ostium* (остит) – переднюю. Двери эти широко открыты, но каждый намеревающийся войти в них тщательно изучается. Если возникает какая-то неопределенность, он даже может быть остановлен на входе *janitor*, доверенным рабом хозяина дома, который сидит при входе. Рядом со многими такими рабами могла находиться еще и свирепая собака, но в нашем случае это лишь выложенное мозаикой на полу ее изображение с надписью под ним: «CAVE CANEM» («Берегись собаки»). Поверх входа, однако, висит позолоченная клетка с прирученной сорокой, которая гортанно произносит «*Salve! Salve!*» («Привет!»), когда посетитель входит в атрий.

Атрий и вид сквозь него. В ту самую минуту, когда мы входим в атрий, нас поражает контраст между пыльной грязной улицей и внутренним убранством особняка. Если никто из домочадцев или клиентов не загораживает нам взор, то мы можем ясно обозреть всю перспективу дома – от входа до зелени сада. Прежде чем сделать первые шаги, обведем взглядом этот великолепный двор, выложенный изысканной мозаикой, с четырьмя элегантными коринфскими колоннами розового мрамора, поддерживающими сводчатый потолок, сквозь отверстие в котором изливается столб солнечного света. В основании последнего искрится брызгами изысканный фонтан, в котором бронзовые тритоны и танцующие нимфы пускают струи воды в белый мраморный бассейн, заполненный водными растениями. Вдоль стен атрия и у каждой из нескольких выходящих в него дверей стоят бронзовые или мраморные статуи, возвышаясь на украшенных резьбой пьедесталах.

Многие дверные проемы, через которые виден этот элегантный зал, закрыты тяжелыми занавесями из материи шафранного, пурпурного, оливкового или голубого цветов, причем расцветка подобрана таким образом, чтобы гармонировать с тоном мрамора, из которого сделаны колонны. Там, где стены не облицованы мрамором, они покрыты изысканными и вели-

³⁴ Именно такую цену Цицерон заплатил за свой городской дом, но в те времена недвижимость в Риме стоила, вероятно, куда меньше, чем во времена Адриана. (Примеч. авт.)

колепно расписанными фресками – о которых мы еще поговорим. На особых почетных подставках стояли предметы искусства, ценные безделушки, сосуды на трех ногах, вазы, чаши, военные трофеи. Напольная мозаика (задержимся на некоторое время, чтобы рассмотреть ее) своей красотой превосходила любой ковер. Из разноцветных камней были выложены целые галереи картин, изображающих походы Александра Македонского. На другом участке пола такие же мозаики иллюстрировали легенду о Персее. Солнечный свет, разливающийся от фонтана, сияние мрамора, великолепие фресок – все это, сливаясь воедино, создавало эффект, который ошеломлял.

Комнаты в глубине и перистиль. В глубине атрия находился кабинет хозяина дома *tablinum* (таблиний) – очень большая ниша, богато украшенное помещение, где он мог принять гостей, пришедших к нему по сугубо деловым вопросам.

Однако это помещение да еще атрий – единственные общественные помещения во всем особняке; подлинны спальни скрываются за их стенами, хотя как дань старым традициям символическое брачное ложе хозяина и хозяйки дома стоит у задней стены таблиния. Тяжелые занавеси тянулись вдоль широких проходов (*fauces*), которые вели во второй двор – *peristylum* (перистиль).

Здесь атрий повторялся – но в куда более изысканном и проработанном варианте. Имелся еще один огражденный колоннами двор, но сами колонны, сделанные из редкого мрамора с голубыми прожилками, располагались выше. Плотный занавес покоился на толстых тросах, готовый укрыть хозяев от горячих лучей солнца. Прямо под отверстием в потолке для света и воздуха находились второй фонтан и зеленый газон (*frigidarium*) с большой клумбой ярких редких цветов и несколькими тропическими деревцами. Виден был еще один строй статуй.

Под длинной четырехугольной колоннадой вокруг двора были расставлены глубокие мягкие лежанки, простые кресла, небольшие столики и другие аксессуары фешенебельного существования. Поверх колонн и следующих за ними комнат покоилась ажурная позолоченная решетка, увитая вьющимися растениями. Так что лучи солнца, проникая сквозь нее, доходили до колоннады ослабленными в своей яркости и приятным глазу полусветом заливали ниши и укромные уголки у стен перистилия.

Столовая (*triclinium*) и домашний алтарь. Из второго двора налево и направо открываются двери, ведущие в спальни хозяина и хозяйки дома, а также их детей, старших слуг и гостей. Эти комнаты довольно малы, но все их стены искусно расписаны фресками.

Но куда важнее этих комнат большая столовая *triclinium* – триклиний. Друзья Кальва когда-то посоветовали ему переделать свой особняк и на его северной стороне построить столовые – особую «летнюю» и теплую «зимнюю»³⁵.

Однако его довольно большой триклиний изящно отделан: его украшают пилястры гиметского³⁶ мрамора, искусно высеченные из камня статуи, буфеты с редчайшими старинными блюдами, а потолок сделан из слоновой кости, покрытой резьбой, причем он устроен так, что мог быть частично открыт в самый разгар праздничного ужина, чтобы опустить на пирующих гирлянды цветов или распылить благовония.

В самой глубине особняка есть также небольшая комнатка для завтраков и особый зал (*oecus*) для демонстрации еще одного собрания предметов искусства, также там находятся библиотека, личная ванная комната хозяина, о которых будет рассказано далее. В глубине же перистилия расположена одна из самых важных комнат всего дома – кухня (*culina*), где сейчас готовит обед умелец повар, одно из тех приобретений, которым по праву гордится Грация, старающаяся возместить его искусством тот печальный факт, что у нее «только одна столовая».

³⁵ Античный писатель Петроний описал быстро разбогатевшего вольноотпущенника Тримальхиона, в особняке которого имелось четыре обычных столовых и особая столовая на втором этаже. (Примеч. авт.)

³⁶ Имитос, или Гимет, – гора, расположенная на востоке Афин, высотой 1026 м; здесь найдены месторождения мрамора и асбеста, их разрабатывали с античных времен, а мрамор использовался для постройки памятников в Афинах.

Вне перистилия посетитель или гость может заметить нечто, напоминающее миниатюрную часовню или алтарь. Перед фасадом этого храма, представленного рядом колонн, сооружен некий род стола, на котором стоит несколько маленьких фигурок прекрасных сказочных существ обоих полов. Это семейные *lares*, почетные хранители древнего дома Кальвов. Ныне они стоят в атрие, но, даже будучи в более поздние времена перенесены в частный перистиллий, они не перестают хранить дом. Хотя Кальв и обсуждал с одним своим другом-философом вопрос: «В самом ли деле они являются богами?», но тем не менее никогда не забывал воскурять утром и вечером благовония на маленькой жаровне, стоявшей перед фамильными ларами. В кухне также есть вторая ниша и еще один набор ларов – там боги «получают» кусочки еды и простодушные молитвы от всех слуг, куда более искренние, чем от сановного общества в перистиле.

Сад и жилища рабов. Другой проход, рядом с кухней, выводит нас туда, куда никогда не достает взор вошедшего в атрий, – к заднему саду у высокой стены. Земля слишком дорога в Риме для Кальва, и он не может позволить себе ничего большего, чем короткую посыпанную гравием дорожку под сенью нескольких старых деревьев, однако искусные рабы-садовники превратили этот клочок земли в то, что спустя несколько веков будет названо «японским стилем». Здесь протекает миниатюрный ручеек, каскадами изливаясь в небольшой бассейн, в котором плавают прирученные миноги, и растут небольшие пинии, создавая видимость крошечного леса. Широкая мраморная скамья покрыта подушками, стоящая рядом статуя танцующего Пана, кажется, приплясывает под журчание ручейка и шелест листвы от налетающего ветерка – все это делает суматошную, заполненную толпой улицу и грязные чердаки *Flavia Victoria* лежащими где-то далеко-далеко. Хотя на самом деле до нее можно добросить камень.

Но где же Кальв держит всех своих рабов? Без всякого сомнения – в до предела переполненных жилищах второго этажа, куда можно было бы заглянуть с верхних площадок колонн, окружающих перистиллий. Даже благородные римляне проводят очень мало времени в своих комнатах и довольствуются совсем небольшими спальнями. Для рабов же существуют еще более тесные жилища, нечто вроде «спальных карманов», со всей справедливостью именуемых «клетками» (*cella*), в которых имеются лишь стул, одеяло и тонкий матрас на полу для всех, кроме высших слуг.

Под домом расположены обычные подвалы для хранения припасов. Где-то здесь же есть и карцер, тесная комнатка с решетчатым окном, мощной, запирающейся снаружи дверью и цепями с кандалами, вмурованными в стены. Редко случается день, когда здесь не побывает хотя бы один из столь большой *familia* рабов.

Полы и окна. Расспросив об отдельных моментах строительства такого особняка, мы узнаем, что подобно большинству римских домов он построен из бетона, отделан снаружи кирпичом или крупнозернистым камнем, а его внутренние стены покрыты мраморной плиткой или расписаны фресками. Потолок тоже сделан из кирпичной плитки, полы в неприязнательных помещениях, где нет необходимости выкладывать их мозаикой, частично оставлены бетонными, а частично засыпаны крошеным камнем или плиткой и уплотнены трамбовкой (*pavimentum*). Две или три комнаты, используемые зимой, имеют особое и дорогое устройство – часть полов в них выложена толстыми плитками со сквозными полостями. По этим полостям в холодное время года циркулирует горячий воздух из печей – так же, как это делается в термах³⁷.

Не так много можно сказать об окнах этого особняка. Они по большей части открываются во внутренние дворы, к тому же их мало, и многие комнаты, в особенности же отведенные

³⁷ Подобная система обогрева, *hypocausts*, использовалась гораздо чаще для римских villas в Галлии, Рейнланде и Британии, где зимы были более суровыми, чем в Италии. В самом же Риме жители обычно использовали для обогрева в относительно краткий период года переносные жаровни на древесном угле, которые расставлялись в наиболее важных комнатах, на себя же надевали несколько дополнительных туник. (Примеч. авт.)

для проживания рабов, неприятно темны. Впрочем, когда наступает долгий и жаркий летний сезон, это обстоятельство воспринимается куда легче. Большая часть окон закрывается только решетчатыми ставнями, поворачивающимися на петлях. Ставни довольно искусно украшены, однако, когда они закрываются, в помещениях наступает рукотворная полутьма.

Комнаты хозяина и хозяйки дома обустроены гораздо лучше. Окна представляют собой закрепленные в деревянных рамах бронзовые решетки, в которые вставлены небольшие кусочки стекла. В эту эпоху еще не умели получать совершенно прозрачное стекло, но все же оно пропускало довольно много света, так что эти комнаты весь долгий световой день были залиты мягким рассеянным светом. Другие состоятельные владельцы особняков вставляли в окна полупрозрачные пластины талька (мягкий магниевый силикат), но подобное решение вряд ли можно считать приемлемым. Оконные стекла, входившие в более-менее широкое употребление, постепенно совершенствовались по мере того, как стеклодувы осваивали новые способы производства и учились создавать более прозрачный материал.

Фрески, прекрасные и бесчисленные. От собственно дома вернемся к его отделке и мебели. О применении мраморных колонн и облицовке мраморными плитами уже упоминалось не раз. Римские предприниматели постоянно «прочесывали» Африку, Египет и Грецию, а также саму Италию в поисках вышедших на поверхность земли каменных сокровищ³⁸. Даже этот частный особняк семьи Кальвов гордился зелеными и черными монолитными опорами, а также резной отделкой сводов.

Там, где глаз не радуется сиянию полированного мрамора, взор гостя почти наверняка привлекают яркие фрески. Они, по сути, являются *римскими обоями*. Даже в беднейших инсулах мы можем встретить их – совершенно затасканные изображения, кричаще яркие, сработанные не художником, но намалеванные ремесленником. Но даже в таком виде они не лишены определенной декоративной красоты, количество же их было просто неисчислимо³⁹. В жилищах скромного люда настенная роспись зачастую представляла собой колонны, нарисованные на стене, с садом и простирающимися за ним ландшафтами, так что квартиранты могли считать, что они любят пейзажами, доступными наяву только богачам.

Качество множества фресок в особняках зажиточных горожан часто приближалось к истинным шедеврам изобразительного искусства. Говорить о разнообразии их типов и истории развития можно бесконечно, но достаточно констатировать, что их декоративный эффект впечатлял. Стены некоторых комнат были покрыты разнообразными яркими изображениями и узорами – балконы, карнизы, гирлянды фруктов и цветов, увитые ими колонны, летящие ангелы и девушки. Одну из комнат расписали картинами всевозможных ремесел и профессий; вот только в кузницах работали амурсы, они же давили виноград в винных прессах, а потом торговали вином на рынках. На фресках в будуаре Грации изображались невесты, украшающие себя перед свадьбой, и сцены любовных свиданий. В триклинии, в соответствии с назначением комнаты, на стенах красовались элегантные натюрморты – рыбы, фрукты, птицы; а перистиль и атрий были расписаны тщательно изображенными ландшафтами, сценами из греческой мифологии, а также целой серией картин, описывающих странствия и приключения Энея⁴⁰. Картины не имеют рамок, но искусное применение красочных линий, расписных колонн и архитектурных элементов позволяет обособлять каждый представленный сюжет.

³⁸ Можно было привести здесь длинный список разновидностей мрамора, постоянно используемого в Риме: белый – из Каррары, Пароса и с Пентелика, пронизанный темно-красными прожилками мрамор – из Фригии, оранжево-желтый – из Нумидии, белый и светло-зеленый – из Каристоса, серпентинит – из Лаконии, порфир – из Египта и т. д. (*Примеч. авт.*)

³⁹ Говоря о количестве стеновых росписей, можно привести такой пример: число фресок, найденных при раскопках Помпей, составляет много более 4 тыс.; Помпеи же были городом примерно раз в сорок меньше Рима по численности жителей. (*Примеч. авт.*)

⁴⁰ Эней – в древнегреческой мифологии герой Троянской войны из царского рода Дарданов. Большинство сцен на римских фресках, как представляется, были хорошими копиями известных картин из древнегреческой мифологии, первоначально изображенных художниками эллинистического периода. (*Примеч. авт.*)

Краски всех этих фресок очень яркие, но они никогда не режут глаз зрителю. Если стены не покрыты росписью или мрамором, то они светло-коричневой или светло-серой расцветки; если же мрамор колонн не является натурально затемненным, ему обязательно придан легкий нейтральный тон, хотя нижняя треть их обычно окрашена в ярко-красный или желтый цвета.

Многочисленные статуи, расставленные в доме, телесного цвета, а их драпировка немного другого оттенка. Возможно, если бы их расставили на открытом пространстве, то под яркими лучами солнца такое цветовое решение показалось бы варварским и вызывающим, но мягкое световое сияние в атрие и перистиле, рассеянное их сводами, создает эффект изумительной красоты – очаровывающий и умиротворяющий.

Обилие статуй и предметов искусства. Посвятив так много места описанию настенных росписей, обратимся теперь к статуям. Особняк, похоже, просто кишит рабами, но все же они не превышают своим числом скульптуры из бронзы и мрамора. Многие из статуй представляют собой хорошие копии самых известных шедевров греческих мастеров. Стоящий в атрие великолепный атлет скопирован с оригинала работы Праксителя; Пенелопа из перистилия – точная копия шедевра Скопаса. Многие другие – просто изящные и декоративные, но менее претенциозные работы их учеников или последователей, зачастую немного упрощенные в отдельных деталях умными копиистами.

Общее количество предметов искусства в подобном доме воистину неисчислимо. Ножки и ручки кресел, а также каждая шарообразная деталь и завиток мебели украшены резьбой, выполненной с удивительным мастерством. Любая самая обычная безделушка и даже предметы повседневного обихода являли собой воплощенную красоту. В триклинии целая серия статуэток иллюстрировала собой миф о Бахусе – здесь был представлен сам бог, пьяный Силен, сатиры, вакханки и все остальные спутники бога вина и веселья. Значительная часть греко-римской мифологии представлена в статуях, статуэтках и барельефах, а также во фресках, в изобилии украшавших особняк и сад возле него.

Семейные скульптурные портреты. В доме, однако, есть большой подбор скульптур в атрие, которые не несут на себе никаких следов греческого влияния. Это скульптурные портреты членов рода Юнии Кальвы. Они расставлены вдоль одной из стен; здесь представлены наиболее уважаемые члены этого древнего рода с тех пор, как скульптура вошла в число изящных искусств Рима.

Это целая галерея холодных, строгих и крайне энергичных лиц. В атрие представлено (правда, несколько изъеденное временем) целое домашнее собрание предков, начиная с того жестокого старого Кальва, бывшего легатом у Сципиона⁴¹ при Заме⁴². Выделяется резкий профиль его праправнука, бывшего претором при Сулле; недалеко от него можно видеть более утонченные и интеллигентные черты названного в его честь внука, который заслужил благодарность Октавиана в сражении при Акциуме за отважные действия его биремы, а после этого стал известным правителем Сирии; здесь же привлекает внимание и высокий лоб отважного стоика – деда нынешнего владельца особняка, открыто ставшего в оппозицию к Нерону и хладнокровно вскрывшего себе вены, когда в доме появился центурион с повелением тирана сделать это. Здесь также представлены и скульптурные портреты нескольких известных женщин семьи, в том числе той Юнии, что была наперсницей императрицы Ливии⁴³.

Кроме всех этих предков, здесь имеются и скульптурные портреты нынешнего хозяина особняка Публия Кальва, его жены Грации и троих его детей. Все они отличаются высочай-

⁴¹ Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (*Publius Cornelius Scipio Africanus Maior*, ? 235, Рим – 183 до н. э., Литерн, Кампания) – римский полководец времен Второй Пунической войны, победитель Ганнибала, цензор с 199 г. до н. э., затем – трижды принцепс сената, консул в 205 и 194 гг. до н. э.

⁴² Битва при Заме – последнее сражение Второй Пунической войны, закончившееся поражением армии Ганнибала.

⁴³ Вероятно, имеется в виду Ливия Друзилла, Юлия Августа, Ливия Августа (58 до н. э. – 29 н. э.) – жена императора Октавиана Августа, мать императора Тиберия.

шим правдоподобием и совершенным отсутствием лести. Поскольку мода на женские прически довольно часто менялась, прическа Грации выполнена в виде отдельной детали и сделана съемной, чтобы в случае изменения стиля укладки волос портрет можно было быстро сделать соответствующим моде. У юного Секстуса, второго сына, вчера был день рождения, его бюст до сих пор увенчан венком; гирлянда цветов также украшает бюст и Гнея Кальва, брата Публия, который недавно умер, будучи пропретором⁴⁴ в Бетике (Южной Испании).

Посмертные маски (*imagines*). Вид этих портретов постоянно побуждает юных Кальвов быть достойными длинной когорты своих благородных предков, однако у них есть и еще более значимое сокровище. Неимоверно богатый вольноотпущенник Ведий, живущий несколько дальше на той же улице, отдал бы 20 млн сестерциев за социальное преимущество, воплощенное в обладании большим шкафом, оплетенным позолоченными и бронзовыми полосами, который стоял в таблинне особняка Кальвов. В нем тщательно снабженные табличками хранятся несколько десятков посмертных восковых масок, со временем почерневших, несколько оплывших и в настоящее время достаточно неприятных, но снятых в то время, когда почтенные члены этой семьи обретали последний покой.

Многие из них восходят еще к тем временам, когда в Риме стали делать скульптурные портреты. В собрании дома Кальва есть, например, маска того его предшественника, который помог быть избранным на консульство⁴⁵ плебеям, а также того предка, который поддерживал в сенате Агриппу Клавдия, когда тот отклонил предложения льстивых посланников Пирра. Когда же всякие выскочки начинали сожалеть о былой «славе благородных», Кальву всегда было достаточно поднять голову и сказать: «Разве у нас нет ничего, чем мы могли бы гордиться?» Несколько позже мы выясним, как восковые *imagines*

⁴⁴ Пропретор (*лат. propraetor* или *pro praetore*) – так назывался в последнее время Республики наместник преторской провинции, избиравшийся из окончивших годичный срок службы преторов. Пропретор имел самостоятельное командование и высшую юрисдикцию в своем районе, по объему власти ничем не отличаясь от проконсулов; только инсигнии его были ниже: шесть ликторов вместо двенадцати, менее значительная *cohors praetoria* и т. п.

⁴⁵ Консул (*лат. consul*) – высшая выборная магистратура в эпоху Республики в Древнем Риме. Должность консула являлась коллегиальной, т. е. консулов было сразу двое, избирались они на один год в центуриатных комициях. Коллегию двух консулов учредили, согласно античной традиции, после изгнания царя Тарквиния Гордого. Согласно римской истории, консулы сначала выбирались только из патрициев, но в результате борьбы плебеев с патрициями с 367 г. до н. э. один из консулов стал избираться из плебеев. Консулы обладали высшей гражданской и военной властью, набирали легионы и возглавляли их, созывали сенат и комиции, председательствовали в них, назначали диктаторов, производили ауспиции и т. д. В чрезвычайных обстоятельствах сенат наделял консулов неограниченными полномочиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.